

А. ЗИНОВЬЕВ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

L'AGE D'HOMME

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

L'AGE D'HOMME

**БЕЗ
ИЛЛЮЗИЙ**

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

**БЕЗ
ИЛЛЮЗИЙ**

L'AGE D'HOMME

«О ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТАХ»
(Выступление по радио «Свобода»)

Прошло два года после выхода в свет моей книги «Зияющие высоты». Много людей прочитало ее. Высказаны самые различные суждения. Высказывались, естественно, и упреки. Говорили, в частности, что я предельно пессимистичен в отношении к судьбе человеческой личности в надвигающемся общественном устройстве. Но на каждый упрек высказывались и противоположные мнения. Нашлись, в частности, люди, которые расценили мой кажущийся пессимизм как литературный прием, имеющий целью сказать читателю: надеяться не на что и не на кого, теперь все зависит от тебя самого. Сопровитляйся, ибо прогресс человечности всегда был и всегда будет лишь результатом сопротивления людей бездушной лавине истории. Из разговоров с читателями и из многочисленных рецензий на книгу я узнал, что многое в ней было понято именно так, как я хотел, но многое было истолковано так, что я почувствовал необходимость дать пояснения по целому ряду вопросов. Например, сложилась даже своеобразная традиция расшифровывать персонажей книги — выискивать, кто именно изображен под именем Болтуна, Мазилы, Мыслителя, Двuruшника, Социолога и прочих героев. Многие безапелляционно решили, что Двuruшник, например, это — Синявский, хотя я с Синявским никогда знаком не был, а сочинения его начал читать лишь оказавшись на Западе. Три супружеские пары заявили претензии на роль Социолога и Супруги. Нашлось штук пять претендентов на Мыслителя, причем трое из них с пышной шевелюрой (в отличие от лысого Мыслителя «Высот»). Поэтому я с удовольствием принял

предложение радиостанции «Свобода» самому мне рассказать о том, как писалась книга, каковы ее замысел, структура и изобразительные средства, какова позиция самого автора, каково его отношение к литературной традиции и многом другом. Я и постараюсь это сделать, насколько это будет возможно в предоставленное мне время.

Существует мнение, будто писал я книгу много-много лет (говорят, даже будто десятки!), будто ходил с записной книжечкой повсюду и записывал, что люди говорят. Это, конечно, вздор. С записной книжечкой маломальски серьезную книгу не напишешь. А люди между собой обычно говорят ничего не значащую чепуху, которая теряет всякий смысл и интересность, если оторвать ее от конкретной ситуации. Побывайте хотя бы разок в трезвом виде в выпивающей компании, и вас поразит интеллектуальное убожество и безвкусица их бесед, вернее — криков, воплей, хрипов. А записной книжечки я вообще никогда в жизни не имел, держа все в памяти, в том числе — и десятки номеров телефонов и адресов. Хорошо знавшие меня люди могли бы подтвердить, что даже объемистые курсы логики, рассчитанные на три года, я держал в голове, а не на бумаге. «Зияющие высоты» я написал в 1974 г., как говорится — за один присест, в общей сложности — за полгода. Правда, я прожил долгую трудовую жизнь, в которой постоянно наблюдал и изучал окружающее общество. И в голове моей постепенно скопился огромный материал, достаточный для написания не только «Высот», но и других книг. Обстоятельства сложились так, что я начал этот материал переводить на бумагу. И незаметно для самого себя втянулся.

Но прошу не думать так, будто в голове была готовая книга. В голове была способность изготовить книгу, но еще не сама книга. Подобно тому, как невозможно помнить толстый курс логики буквально, но можно научиться каждый раз воспроизводить его заново, так невозможно физически держать в голове в буквальном виде такую махину, как «Высоты». Процесс создания книги есть все-таки процесс записи ее на бумаге. Так, начиная каждую часть, я заранее не знал, какие появятся персонажи, как они будут вести себя, чем кончится эта часть. Я не знал, какая часть последует за законченной частью, и будет ли таковая вообще. Книга писа-

лась в таких условиях, что писание в любую минуту могло быть прервано помимо моей воли. Поэтому каждая часть писалась как, возможно, и последняя, — и это легко заметить в манере окончания частей книги. Я не мог себе даже позволить думать о некоем сквозном сюжете для всей книги. Самое большее, что я мог (без риска сделать неоконченную книгу), это — повторение персонажей и развертывание идей.

В ходе написания книги происходили всякого рода любопытные события, но я не буду вас утруждать своими воспоминаниями. Назову лишь один курьезный случай. Написав одну главу книги, я куда-то ее спрятал и потом совсем забыл о ней. Лишь через год обнаружил пропажу. Восстанавливая потерянное, написал в 1975 г. книгу «Записки Ночного Сторожа», которая в конце года будет опубликована, и «Светлое будущее», опубликованную весной этого года.

То, что я стал писать «Высоты» и вообще занялся литературной деятельностью, не было для меня случайностью. Я с детства работал в стенных газетах, практиковал устные новеллы, насыщал литературными отступлениями свои уроки в школе и лекции в университете. Я в молодости даже предпринимал попытки стать профессиональным писателем. И благодарю судьбу за то, что это сорвалось. Что-то меня все время удерживало от решительного шага в литературу. Что именно — сейчас трудно объяснить. Одну причину я все же вижу отчетливо: это — неприязнь к традиционным и принятым литературным формам. Я, естественно, постоянно и много читал. Но лишь очень немногое отвечало моему вкусу. Я не понимал, как обычные люди, не будучи профессиональными литературоведами и прочими чиновниками от искусства, могут с интересом читать Шекспира, Данте, Толстого, Тургенева, Горького... «Братьев Карамазовых» я осилил лишь постольку, поскольку в комнатке, которую мне пришлось однажды снимать, за шкафом завалилась эта единственная книга. Зато я десятки раз перечитывал Лермонтова. Одним из любимейших писателей моей юности был Кнут Гамсун. Вообще мне нравились лишь отдельные книги писателей или отдельные куски из книг. Так, из «Войны и мира» Толстого принимаю лишь исторический очерк, а из «Мастера и Маргариты» Булгакова — лишь часть, касающуюся Христа и Пилата. Из современ-

ной русской литературы отдаю предпочтение «Верному Руслану» Владимова и «Москве-Петушкам» Ерофеева. Как видите, мой литературный вкус никак не может считаться образцовым. Возможно, если бы я рос и жил в профессиональных филологических и литературных кругах, испытал на себе благотворное влияние Литературного института и Союза писателей, дело было бы иначе. Но этого не случилось. И я не жалею об этом. Я даже рад тому, что мое литературное образование и вкус оказались такими ненормальными, ибо благодаря этому я много лет жил с ощущением: либо я выдумаю что-нибудь такое, о чем я сам могу сказать, что это мне подходит, либо я так и закончу жизнь формальным логиком. Правда, это тоже было бы не так уж мало — я, как мне кажется, сумел в логике сделать немало. Но дело не в величине. Само качество жизни (независимо от успеха или неуспеха в литературе) было бы не то. И тут, как это ни странно на первый взгляд, мне здорово помогли мои многолетние профессиональные логические исследования языка вообще, языка науки и идеологии — в особенности. Мне не пришлось насиловать себя и переживать какой-то период некоего творческого формирования и развития. Литературная форма, какая мне была нужна, пришла сразу и в законченном виде, буквально с первой же строчки книги.

Даже уже закончив «Высоты», я не рассчитывал на скорую их публикацию вообще и тем более на литературный успех, хотя наши близкие друзья, читавшие некоторые фрагменты книги, и моя жена Ольга, бывшая моим вдохновителем, помощником, редактором и беспощадным критиком, уже с первых страниц гарантировали книге успех и всячески поощряли меня, взяв на себя все хлопоты по сохранению и изданию книги.

Само собой разумеется, художественная литература так или иначе отражала законы человеческого общества. Но также общепризнанной аксиомой является то, что описание законов природы, общества и познания не есть дело литературы. Это — дело науки. Чем должна заниматься литература, известно всем из школьных учебников. Литература должна описывать Иванов, Петров, Матрен, собачек, бабочек, цветочки и т. п. Должна описать, какие у Ивана глаза, с кем спит Матрена, как порхает бабочка и благоухает цветочек.

В общем, вы сами прочитали сотни книжек и зна-

ете о чем писала, пишет и будет писать литература. Но я решил нарушить эту традицию. Я не профессиональный писатель. Обсуждать свой труд в Союз советских писателей я не понесу, — я знаю, чего стоит эта почтенная организация. Мнение литературоведов мне глубоко безразлично, ибо если литература наша в целом удручающе бездарна, то о литературоведении и говорить не приходится. Короче говоря, передо мной не маячили образы судей, мнение которых важно было для меня. А поскольку я писать собрался книгу секретную, я начисто выбросил из своего сознания таких бдительных стражей, как Главлит, ЦК КПСС, КГБ и прочие организации, призванные держать нашу литературу на высоком идейно-теоретическом и художественном уровне. И я решил писать художественную литературу, но именно о социальных законах человеческого бытия и их проявлении в поведении и сознании людей. Так что главные герои моей книги — не Иваны, Матрены, собачки, бабочки и прочая живность, а законы бытия как таковые.

Подчеркиваю, я решил писать не популярную книгу по социологии, наподобие учебников по философии, которые сочиняются с расчетом на интеллект малограмотных домохозяек, а потом рекомендуются в качестве пособия при сдаче кандидатских минимумов, а именно художественную книгу. И совсем не популярную. Так сказать, на всю железку. Но художественную в том смысле, что я решил сделать сами законы бытия активными персонажами книги, показать, как они чувствуют себя в нашем обществе, чем занимаются, как общаются между собой и т. д. Но показать их не теми мистическими, то благородными, то жестокими, то добрыми, то страшными, но всегда великими феноменами бытия, какими их изображает официальная идеология и жалкая социологическая, с позволения сказать, наука, а обычными грязными ничтожествами, какими они и являются на самом деле. Вот каким был замысел книги. И он мне был ясен с самого начала. И реализовать его я мог и на десяти страничках, и на сотне. Судьба милостива ко мне: она отпустила мне для этого много сотен страниц.

Я мог бы, конечно, наговорить вам кучу мудрых фраз о том, что законы не существуют сами по себе, что они проявляются в поведении конкретных людей и человеческих групп. Но не буду это делать, ибо это хотя и верно, но довольно скучно, а мы — не

на занятии в Вечернем университете марксизма-ленинизма. Именно такими соображениями (чтобы было не очень скучно, а местами и совсем не скучно) я руководствовался, когда начал ворошить свой житейский опыт, чтобы извлечь из него театральные костюмы для своих необычных героев и дать им подходящие подмости. Тут я вспомнил, как разорялась наша деревня, как я работал в колхозе, как был лихим кавалеристом и заслужил благодарность высокого начальства за то, что чудом не свалился со старой дрессированной клячи. Вспомнил, как был военным летчиком, студентом, землекопом, лаборантом, грузчиком, учителем, научным работником. Одно время даже числился лектором Московского городского комитета партии, хотя лекций пропагандистских никогда не читал — мне не доверяли. Не доверяли по двум причинам: первая — еще до начала лекции напьется, вторая — наговорит бог знает что и уведет с собой в забегаловку наиболее неустойчивую часть слушателей. Короче говоря, житейский опыт был в избытке, и мои герои с нетерпением рвались окунуться в него с головою. Никакого другого жизненного опыта у меня не было, и я, что вполне естественно, избрал ареной действия своих законов Советский Союз. Подчеркиваю, законы бытия — явления универсальные, они везде одинаковы. Им все равно, где становиться в позы, кривляться и гримасничать. Но Советский Союз им на редкость пришелся по душе, — они здесь оказались полновластными хозяевами и буйствовали без всяких ограничений, изобретенных в западной цивилизации и раздавленных в зародыше в результате революции. Потом мне многие говорили, что написанная мною в «Высотах» картина относится не только к Советскому Союзу, что и на Западе происходит примерно то же самое. Ну что же, я рад. Не тому, конечно, что и на Западе то же самое, — если это действительно так, я сочувствую Западу. Я рад тому, что получилось обобщение.

Некоторые рецензенты и читатели считают, что я выдумал Ибанск из неких соображений самозащиты (чтобы не говорить открыто о Советском Союзе, поскольку это было бы опасно). Это неправда. Ибанск — это литературный прием, причем, как мне кажется, не ослабляющий, а усиливающий критический эффект. И никакой защиты он не давал, что было очевидно мне и моим помощникам с самого начала. Я выдумал

его прежде всего как средство представить результаты своих исследований советского общества в качестве результатов, имеющих силу в той или иной мере для любого достаточно большого и развитого современного человеческого коллектива.

Но раз я избрал в качестве героев своей книги сами законы человеческой жизни, для описания, естественно, потребовался особый стиль языка и мышления, которыми я овладел вполне профессионально, — научный стиль образного мышления. Поясню кратко, что это такое.

Отличие научного стиля образного мышления от науки в строгом смысле этого слова я проиллюстрирую на таком простом примере, и вам станет ясно, что я имею в виду под этим типом литературного языка. Чтобы описать достаточно полно и строго структуру общества такого типа, как советское, и его основные тенденции, нужно большое число хорошо подготовленных специалистов, нужны многочисленные измерения, нужны статистические данные, нужны сложные вычисления и т. д. Одному человеку это не под силу. Да и не разрешат. Как быть? Оказывается, есть приемы такого индивидуального (доступного одному человеку) исследования общественной жизни, которые и без секретных данных, и без точных величин все же позволяют получить в общем более или менее верную картину. Результаты таких исследований дают достаточно твердую ориентацию какой-то категории заинтересованных лиц в происходящем потоке жизни. Например, этими методами можно установить факт расслоения всякого коммунистического общества на привилегированные и низшие слои и тенденцию к увеличению разницы в их уровне жизни, т. е. тенденцию к социальному неравенству. Точные цифры (во сколько раз жизненный уровень высших слоев выше низших и какова скорость расхождения) можно установить лишь средствами профессиональной науки. Это довольно сложно сделать. Но общие черты этих явлений, повторяю, можно установить и без профессиональной науки, в одиночку.

Но это еще не все. Теперь возникает вопрос о языковых средствах выражения полученных результатов. Если просто сказать, что коммунизм не уничтожает социальное неравенство людей, а лишь меняет его форму и в тенденции усиливает сравнительно с прошлыми

обществами (в относительных, а порой — и в абсолютных величинах), то это не произведет особого впечатления. Без множества таблиц, графиков, цитат, имен и прочих аксессуаров науки это не будет звучать убедительно. А что может компенсировать отсутствие этих аксессуаров науки и дать вашим мыслям силу убедительности? Только особая литературная форма вашего языка, особый тип образности, вообще — какой-то нестандартный тип литературы. Литература, о которой специалисты-литературоведы имели бы формальное и моральное право сказать: это — вовсе и не литература. Пусть говорят! Дело разве в них? Раз стоит конкретная задача высказать результаты ваших размышлений и добиться того, чтобы хотя бы кто-нибудь вам поверил, так стоит ли думать о том, что скажут профессиональные писатели и профессиональные литературоведы. Тем более их кислые физиономии вы можете предвидеть заранее — тоже, между прочим, этими методами исследования, о которых я говорил.

На тему о языковых средствах научного стиля мышления можно говорить много — вопрос в высшей степени интересный. Я ограничусь лишь краткими замечаниями. Я как специалист и как наблюдательный человек знаю, что жизнь идет по законам социальной комбинаторики, что в современном массовом обществе в изобилии производятся мысли, слова, фразы, поступки, вещи и т. п., которые распределяются между людьми по социальным правилам и законам вероятности, а не по неким «законам человеческой правды», которыми в свое время руководствовались писатели — «инженеры человеческих душ». Потому не играет роли, в каких штанах ходят персонажи, какого они роста, какого цвета у них глаза. Безразлично, кому приписать ту или иную мысль, которую вам хочется сообщить читателю. Лишь бы она была высказана. Поэтому я почти полностью опускал всякого рода описания, прибегая к ним лишь в тех случаях, когда они несли смысловую нагрузку. Поэтому я разрешал своим умным персонажам высказывать банальности и глупости, а глупым — глубокомысленные суждения.

Возьмем, далее, такой литературный прием, как гротеск, и его отношение к реальности. Позвольте рассказать вам по сему поводу маленькую притчу. Было замечено, что железнодорожные составы с цистернами нефти доходят до некоторой станции, где из цистерн нефть

перекачивают в цистерны другого железнодорожного состава, и далее нефть следует в новом составе. В чем дело? Уверяю вас, никакая фантазия не способна выдумать то, что изобрела здесь самая обычная, серая, лишенная всякого воображения советская действительность. Оказывается, нефть перекачивали для того, чтобы сократить средний пробег вагонов! Я таких случаев мог бы вам привести тысячи — из них состоит вся обычная жизнь Советского Союза. Когда я очень малую долю таких случаев описал в своих книгах, на Западе это восприняли как сильный гротеск. Но советские читатели, с которыми мне приходилось встречаться, ничего гротескного в этом не увидели. Одни увидели в этом клевету, другие — правду. Но никто не упомянул даже слово «гротеск». Человеческая жизнь на самом деле изощреннее, богаче и страшнее любой литературной фантазии. Мне кажется, тут действует закон, о котором хочу сказать в нескольких словах. Если описать реальную жизнь, например, Советского Союза абсолютно точно и полно, западный читатель (да и советский тоже, пожалуй) просто не поверит в правдивость такой картины, настолько она будет ужасающе нелепой, жестокой, тоскливой, омерзительной. Если писатель хочет, чтобы читатели поверили в правдивость его описаний, он инстинктивно или сознательно стремится не просто к правде, но к правде в рамках эстетического восприятия. Но всякий эстетизм идет так или иначе в ущерб истине, причем — в сторону приукрашивания действительности.

Довольно часто в «Высотах» я использовал непристойные выражения и описывал непристойные ситуации. Некоторые считают, что это — отражение реальной ситуации в Советском Союзе, где языковые непристойности процветают, особенно — в кругах интеллигенции. Возможно, что это отчасти и так. Но жизненная непристойность груба, пуста и неэстетична. Непристойность как средство литературы имеет совсем иные источники и иную задачу. Я использовал это средство для того, в частности, чтобы восстановить реальные масштабы персонажей и событий, вознесенных до небес официальной идеологией и пропагандой, и выразить свое отношение к описываемым феноменам. Часто без непристойностей вообще нельзя высказаться с таким эффектом, как хотелось бы. Причем эти средства воспринимаются как непристойности только русско-язычным чита-

телем, в большинстве случаев привыкшим лицемерить даже в языке. Любопытно, что меня однажды обвиняли в непристойностях довольно интеллигентные люди, которые во время нашей беседы совсем не церемонились и выражались так, что было тошнотворно и стыдно. Это была непристойность житейская, т. е. совсем не литературная.

Ибанск с его персонажами и событиями я, повторяю, выдумал, а не собирал, бегая по Москве с записной книжечкой. Конечно, я использовал многое, что мне было известно о конкретных лицах и реальной истории страны. Но я не летописец и не бытописатель. Я, естественно, возражаю против «расшифровки» текста книги. Конечно, комментарии такого рода, в которых говорилось бы, что то-то и то-то послужило поводом для написания таких-то фраз и кусков книги, что такой-то реальный человек послужил прообразом для такого-то персонажа, были бы полезны. Но книгу можно читать и без этого. Верно, что Сталин, Хрущев, Брежнев, Солженицын, Галич, Неизвестный, Евтушенко и др. послужили прообразами для Хозяина, Хряка, Заибана, Правдеса, Певца, Мазилы, Распашонки и т. д. Но не более того. Даже Мазила не есть Эрнст Неизвестный, хотя факты его жизни я часто использовал в книге. Вводя Мазилу в книгу, я хотел показать судьбу гения (как явления социально-психологического, а не с точки зрения продукции) в ибанском обществе, приписывая Мазиле мысли, которых я никогда не наблюдал у реального Неизвестного. Вообще мысли всех персонажей книги — это мои собственные мысли, лишь розданные разным персонажам, а не подслушанные у других. Я не хочу этим сказать, что их не было у других. Я хочу этим сказать лишь то, что это — содержание моего сознания, распределенное в интересах изложения между разными персонажами.

Я подошел к последнему вопросу моего выступления — к позиции самого автора. Мне часто приписывают утверждения моих героев. Иногда я соглашаюсь, иногда нет. Дело в том, что в книге действительно воплощена моя позиция, но так, что автор элиминирован, а персонажам предоставлена возможность поговорить и поспорить. Потому не все, что говорят они, принимаю я. И многое такое, что я принимаю, они обходят молчанием. И все же я думаю, что при достаточно внимательном и повторном чтении книги читатель мо-

жет угадать авторскую позицию и даже выработать в себе нечто подобное. И главное в этой позиции — не заученные омертвевшие фразы (формулы), а тип характера, стиль мысли и поведения, реакция на происходящее, основная жизненная линия. Я могу в одной ситуации высказать и обосновать одно суждение, а в другой — нечто противоположное ему. Это не беспринципность. Это — желание взглянуть на дело с другой точки зрения, рассмотреть другой аспект проблемы. Иногда — просто из духа противоречия. Дело в том, что я не доктринер, не пророк, не политик, не благопристойный профессор. Я живу в языке, как в особой реальности, причем — в реальности сложной, противоречивой, текучей. Тут губителен всякий догматизм. Тут нет раз и навсегда установленных формул. Устойчивым в моей позиции является одно: стремись к истине и противься насилию, ибо без этого ты — не человек.

Мюнхен, октябрь 1978 г.

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

(Из доклада на конгрессе научной фантастики
в Брюсселе, XI.1978)

Выражение «научная фантастика» логически противоречиво. Если какие-то рассуждения научны, они не фантастичны, а если фантастичны — не научны. Так что это выражение условно. Если иметь в виду практику литературы, именуемой научной фантастикой, то она содержит в себе два глубоко враждебных друг другу явления: выдумывание всяческой ерунды с использованием материала современной науки и попытки с помощью фантазии и данных науки представить себе явления, которые мы сейчас пока вообще наблюдать не можем, в том числе — попытки вообразить будущее состояние общества и другие возможные миры с разумными существами. По моим наблюдениям в подавляющей части «научной фантастики» преобладает именно фантастика, т. е. ерунда, претендующая на научные источники, но не имеющая с наукой абсолютно ничего общего. Например, в связи с идеями современной физики даже в научных кругах стали часто говорить об изменении хода времени, об убыстрении и замедлении хода времени. С логической точки зрения это — чушь. Но чушь модная, свидетельствующая о прогрессивности воззрений. Писателям эта чушь нравится, и они начинают сочинять на эту тему фантастику в самом точном смысле слова. Например, изображают, как космонавты летят в какую-то чудовищно отдаленную точку пространства. Летят год, десять лет, сто лет. Что-то случилось. И тогда они решают «проколоть» или «свернуть» пространство или что-то сотворить со временем, и через несколько мгновений они у цели. Зачем, спрашивается, они потратили

столько времени на обычный полет? Взяли бы и сразу сотворили эти штучки с пространством и временем, и сразу бы оказались там, где нужно. Правда, тогда и писать было бы не о чем.

Аналогично (если не хуже) обстоит дело с фантастикой на социальные темы. Тут наукой даже не пахнет. Законы общественной жизни, имеющие силу для любых человеческих (и подобных им) ассоциаций, игнорируются полностью. Тут имеет место фантастика, но скорее псевдонаучная или антинаучная.

Я ничего не имею против фантастики любого сорта. Я лишь хочу обратить внимание на то, что литература так или иначе играет идеологическую роль, прививает людям определенные взгляды на мир, на человеческое общество, на перспективы человечества. А потому в этой литературе имеет право на существование и такая, которая считается с настоящими законами природы, общества и логики мышления, хотя и пользуется средствами литературной фантазии. Я убежден в том, что такая в принципе реалистическая основа литературы ничуть не сокращает ее художественных возможностей. Можно сообщать людям правду на высоком эстетическом уровне. И можно людям врать на низком эстетическом уровне. Чаще именно так и происходит.

Я в течение многих лет работал как профессионал в области логики, изучающей законы языка. И также в течение многих лет изучал для себя общественные явления, стремясь выявить в них нечто закономерное, устойчивое, необходимое. И хочу высказать по этому поводу несколько соображений, которые, как мне кажется, не бесполезны и с точки зрения художественной литературы.

Литературные произведения суть явления, выполненные в языке — суть языковые явления. В языке в принципе можно высказать все, что угодно. Однако не все, о чем мы можем высказать что-то, может существовать реально. Бывает такое содержание языковых выражений, которое невозможно в действительности в силу самих логических правил языка. Например, логически невозможно быть отцом самого себя или своим собственным сыном. Логически невозможно оказаться старше своих родителей, и никакие ссылки на физику тут не помогут. Можно лучше сохраниться своих родителей и можно их пережить — это банально. Но старше — нет, ибо согласно определению понятий «порождающее» и «порождаемое» порождая

ющий всегда старше порождаемого, если они существуют одновременно. С другой стороны, логически вполне объяснимы такие, казалось бы, логически противоречивые явления, как возможность любить и не любить нечто одновременно, возможность полезных и вредных последствий одного и того же явления. Более того, в случае сложных событий и сложных систем их взаимоотношений такие взаимоисключающие тенденции и явления неизбежны. В особенности это касается общественной жизни. И литература, в какой-то мере претендующая на научность, должна считаться с такого рода явлениями. Разумеется, литература вправе использовать все языковые средства, чтобы добиться желаемой цели, и в том числе — преднамеренное нарушение законов логики и искажение законов природы и общества. Но именно как изобразительные средства, а не как материал для серьезного изложения с претензией на образованность и мудрость. Если вы, например, нарушаете законы логики, не подозревая об этом и воображая, будто вы используете новейшие данные и идеи науки, это не будет изобразительным средством литературы. Это будет проявлением невежества или спекуляцией на неких околонучных идеях. Многие анекдоты построены на преднамеренном нарушении законов логики. Но они тем и хороши, что это известно. Если бы факт нарушения законов логики был неизвестен, анекдоты эти не были бы смешными. Аналогично обстоит дело и с прочими средствами литературы. Например, рассказывают такую шутку. Ты слышал, — говорит один человек, — крокодил проглотил Генерального Секретаря КПСС. И чем это кончилось? — спрашивает другой. Крокодил вторую неделю испражняется орденами, — отвечает первый. В этой шутке явный гротеск. Крокодилы, как известно, партийных вождей не едят. Последних если кто-то и сжирает (да и то не в прямом, а в переносном смысле), так это их соратники по партии. Но эта шутка выражает социологически бесспорную истину: возвеличивание вождей есть необходимый атрибут коммунистического общества. Эта шутка есть средство научной фантастики в самом хорошем смысле слова.

Несколько слов о литературном приеме, который я называю научным стилем образного мышления. Он заключается в следующем. Интересующий вас объект изучается по всем правилам науки, но лишь в той мере, в какой это доступно исследователю-одиночке. Результаты

же исследования излагаются в форме художественной литературы особого рода. В литературное произведение при этом включаются теоретические куски, которые приписываются персонажам книги и служат одновременно цели описания этих персонажей. Иногда теория излагается так, что претензия на научность совсем элиминируется или умышленно занижается. С другой стороны, все традиционные средства художественной литературы используются для того, чтобы дать наглядные примеры для общих утверждений теории или конкретизировать их. При этом единство и целостность литературному произведению придает не последовательность и связность описываемых событий, а последовательность и связность идей, свойственные науке.

Одним из необходимых элементов литературной формы для выражения результатов научного исследования в данном случае становится вымысел. Почему это получается? Да хотя бы потому, что само научное исследование в этом случае невозможно без абстрактных моделей, без гипотетических примеров, без пояснений на воображаемых ситуациях. Но если в науке это суть формы и средства научной абстракции, то в литературе такого рода, о которой я говорю, они приобретают свойства художественного вымысла, становятся изобразительными средствами. Так что все конкретные (с точки зрения традиционной литературы) ситуации в моих книгах было бы ошибочно рассматривать просто как запись виденного и слышанного мною. Конечно, я присматривался и прислушивался к происходящему. Но я видел и слышал нечто такое, что само по себе не могло еще стать фактами литературы. Все упомянутые ситуации я на самом деле выдумал. Я выдумывал даже тогда, когда как будто бы были аналоги в жизни. Я лишь опирался психологически на эти аналоги, да и то лишь иногда, а в языковом отношении заново изобретал даже факты прошлого. Опираясь методами науки, я буквально высчитывал логически мыслимые ситуации и типы людей. И порой я сам лишь постфактум обнаруживал совпадение своих вымыслов с историческими фактами и конкретными людьми. А во многих случаях я предсказал будущие события, порою — комические (например, присуждение Брежневу звания маршала и присуждение Ленинской премии за литературные сочинения), порою же — трагические (например, гибель человека, которого многие считают прототипом Певца

из «Высот», — А. Галича). Думаю, что ничего парадоксального в этом нет: в литературе лишь вымысел является наиболее адекватным средством выражения жизненной правды, а не педантичное следование фактам истории. Как говорится, не выдумаешь — не поверят.

Я не собираюсь рекомендовать научный стиль мышления всем писателям. Овладеть им, во-первых, не так-то просто. Очень многие люди десятками лет профессионально работают в области социальных наук, а фактический метод их мышления так и не становится научным. И применение его, во-вторых, не всегда целесообразно. Он уместен лишь в тех случаях, когда писатель затрагивает важные социальные проблемы или пытается описать общество в его целостности и внутренней расчлененности, — как органическое целое. Это — лично мой стиль мышления как писателя. Мне кажется, в таких широких масштабах и вполне сознательно в художественной литературе его использовал впервые я. Впрочем, если обнаружится, что у меня были предшественники (а в таких случаях их всегда стремятся найти), я несколько огорчен не буду. Я лишь скажу, что это — аргумент в пользу тезиса о естественности этого метода для художественной литературы.

Наконец — о фантастике. Фантастика, вообще-то говоря, есть вранье. Но не всякое вранье есть фантастика. Например, когда советская пропаганда утверждает, что в Советском Союзе есть свобода слова, это — вранье, но не фантастика. Но когда классики марксизма, руководители коммунистических стран, бесчисленные теоретики коммунизма и пропагандисты утверждают, что при коммунизме все жизненные блага польются на людей как из рога изобилия и наступит рай земной, это — типичная фантастика. И вранье, конечно. Но вранье специфическое. Вот специфика вранья такого рода и дает нам фантастику. Назову некоторые черты ее. Это — вранье о будущем нашего мира или отдаленных мирах, в общем — о том, чего пока нет, чего никогда не будет, чего мы никогда не увидим и т. д. Это, далее, вранье по законам эстетики. В тенденции — красивое вранье и интересное в этом качестве. Например, если вы советскому человеку пообещаете каждой семье отдельную квартиру, свободный доступ всем выпускникам школ в институты, дешевое и доброкачественное мясо во всех магазинах, свободные туристические поездки на Запад и т. д.,

он вам ни за что не поверит. Он скажет, что это вранье, и только. Но если вы будете сулить удовлетворение всех потребностей, развитие всех творческих потенций, жизнь без болезней до пятисот лет, полеты на Венеру, то тут уже будет чувствоваться элемент фантастики, и если люди вам и не поверят (а многие поверят, ибо вы сулите явно невозможное!), то во всяком случае с любопытством выслушают, отнесутся к вашим речам как к литературному творчеству — как к фантастике, причем не столько научной, сколько псевдонаучной.

Но о фантастике можно говорить и в другом смысле, а именно — не как о стремлении наговорить людям всяческой ерунды в привычных литературных формах, а как об определенном литературном средстве сказать правду о действительности. И в истории литературы таких примеров было довольно много — Вольтер, Свифт, Щедрин, Замятин, Оруэлл. Но если правда, которую вы хотите сказать, добыта благодаря приемам научного исследования, о которых я говорил, вы получите новый тип литературы в этом направлении. Я причисляю себя к этому направлению. И если термин «научная фантастика» вообще уместен, то литература этого направления вполне может быть обозначена им.

Брюссель, октябрь 1978 г.

О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ МАРКСИЗМА

(Доклад в университете Алкала, Испания)

Вопрос о социальном статусе марксизма приобретает особо важное значение в связи с тем, что со всей очевидностью обнаружилось отвратительные язвы коммунистического общества, которое строилось и строится якобы по марксистскому проекту. Чтобы разобраться в этом вопросе, надо произвести предварительно по крайней мере следующие различия: 1) между наукой, религией и идеологией; 2) между претензиями марксизма и его реальными делами, между его приспособительной формой и маскируемой его сущностью; 3) между ролью марксизма в условиях, когда определенная категория людей ищет решения проблем буржуазного или иного несоциалистического (некоммунистического) общества и рвется к власти с намерением решить эти проблемы (по крайней мере — для себя), и марксизм в условиях общества, в котором он стал господствующей государственной идеологией, в котором определенного рода люди захватили власть и начали строить или уже построили новое, социалистическое (или коммунистическое) общество. Кроме того, надо различать между устойчивым ядром (сутью) марксизма и его вариациями в зависимости от места и времени.

С самого начала оговорюсь, что коммунистическим обществом я называю общество такого социального типа, какое сложилось в Советском Союзе и является классическим образцом для всех прочих стран, идущих по тому же пути (с незначительными отклонениями, обусловленными историческими особенностями этих стран, а отнюдь не переделками в их марксистских проектах). Впрочем, если кому-то такое словоупотребление

не нравится, я на нем не настаиваю, ибо речь пойдет о более конкретном явлении — о марксизме.

Наука, религия и идеология не существуют изолированно друг от друга и в чистом виде, т. е. без элементов друг друга и без взаимного влияния. Религиозные учения претендуют на создание картины мира и на объяснение различных явлений природы и общества, религиозные организации выполняют идеологические функции, наука содержит многочисленные элементы идеологии, дает материал для последней и используется ею и т. д. Однако в наше время можно отчетливо видеть и различие этих явлений. Возникли антирелигиозные идеологии, необычайного развития достигла наука, отобрав у религии и идеологии функции познания окружающего человека мира и самого человека, утратили былую идеологическую роль многие религиозные учения и оттеснены на задний план истории и т. д. И можно достаточно определенно фиксировать различие функций рассматриваемых явлений в общественной жизни.

Задача науки — поставлять обществу знания, разрабатывать методы получения и использования знаний. Употребляемые в науке понятия имеют тенденцию к ясности, определенности, однозначности. А формулируемые в науке утверждения по идее (и в тенденции) допускают возможность проверки, т. е. подтверждения, доказательства, опровержения. Религия же имеет дело с явлениями души, с религиозными чувствами людей, с верой. Идеология в отличие от науки конструируется из неопределенных, многосмысленных языковых выражений, предполагающих некое истолкование. Утверждения идеологии нельзя доказать и подтвердить экспериментально и нельзя опровергнуть — они бессмысленны. В отличие от религии идеология требует не веры в ее постулаты, а формального признания или принятия их. Религия невозможна без веры в то, что она провозглашает. Идеология же может процветать при полном неверии в ее лозунги и программы. Это очень важно различать. Часто приходится слышать недоумение по поводу такого факта: в Советском Союзе никто не верит в официальную идеологию, а между тем она там процветает. В чем дело? Да в том, что в идеологию не верят, ее принимают. Вера есть состояние человеческой психики, души. А признание (принятие) есть лишь определенная форма социального поведения. Когда верят в идеологию, то

происходит историческое смещение, в результате которого идеология присваивает несвойственные ей как таковой функции религии. Когда доводами разума пытаются доказывать или опровергать принципы идеологии, то смешивают ее с наукой. Задача идеологии — не открытие новых истин о природе, обществе или человеке, а организация общественного сознания, управление людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному общественному образцу. Идеология может начаться с претензией на то, чтобы быть наукой. Но, став идеологией, она теряет все основные признаки науки. Идеология может заимствовать из науки ее понятия и утверждения. Но, став элементами идеологии, последние теряют характер элементов науки, становятся неопределенными и непроверяемыми. В рамках идеологии могут высказываться научные идеи, суждения, гипотезы. Но они не определяют общую ситуацию в идеологии. Лица, высказывающие это, делают это не в качестве идеологов, а в качестве ученых, волею обстоятельств вовлеченных в идеологию.

Идеологические тексты и речи, конечно, действуют сами по себе на отдельных индивидов. Но не в этом специфический способ воздействия идеологии на людей. Идеология рассчитана на массы людей. А тут нужен специальный аппарат признания ее. Причем признания обычно без понимания, ибо понять в принципе невозможно или не стоит труда. Или не до этого. И признания без веры. И такой аппарат формулируется. Его задача — принуждать людей к признанию идеологии, карать тех, кто сопротивляется. Конечно, в этом есть и элемент добровольности, ибо признание идеологии в условиях ее господства позволяет многим людям добиваться успеха в карьере и иметь какие-то блага. Для многих без признания идеологии вообще невозможно существование. Таким же аппаратом принуждения обладала в свое время, например, и христианская церковь. Но церковь сочетала в себе не только религиозные функции, но и идеологические. И порой использовала первые в интересах вторых. Возможность разделения и даже противопоставления этих функций обнаружилась сравнительно недавно, когда стали возникать антирелигиозные идеологии (марксизм, национал-социализм).

Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возникал как претензия на научное понимание всего на свете. Известно, что Маркс даже математикой зани-

мался. Хотя он так и не сумел разобраться в вопросах, теперь понятных даже бестолковым школьникам, соответствующие мудрые указания потомкам он все же оставил. Про Энгельса и говорить не приходится. Тот охватил все формы движения материи от механического перемещения до мышления. Объяснил возникновение семьи, частной собственности, государства. И наговорил во всем столько всякой ерунды, что теперь все академии наук мира надо бы было бросить на исправление его ошибок и нелепостей. У Ленина тоже: что ни слово, то вклад в науку. Он и логику ухитрился развить, не имея ни малейшего представления о современном ему состоянии логики, познакомившись с ней по гимназическому учебнику и из бредовых идей Гегеля.

С претензией на научность марксизм существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причем в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты для физики, химии, биологии, математики... Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли (когда, например, один физик начинает делать исследования в области микрофизики, а другой пишет книги о значении высказываний Ленина и Энгельса для развития физики; когда один математик доказывает теоремы, а другой занимается демагогией насчет гениальных идей классиков марксизма в математике и рассматривает пару плюс и минус по аналогии с парой буржуазии и пролетариата). Специалисты по марксизму получают ученые степени и звания, избираются в академии наук и т. д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере, в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть, он являет теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории утратила качества науки и стала ядром и составной частью

идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отдалилась от науки на максимально далекое расстояние.

Стремление марксизма выглядеть наукой объясняется комплексом причин как исторического, так и социально-структурного (имеются в виду действующие сейчас причины) порядка. Наука приобретала, а в наше время — приобрела, такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было просто старомодно. Были иллюзии, будто земной рай можно обосновать научно. Марксизм возникал в борьбе с религией и различными формами идеологии, связанными с нею, противопоставляя им научный взгляд на все происходящее в мире. Сама наука в то время имела такой вид, что провести четкое различие между нею и идеологией было невозможно. Это и сейчас еще не так просто сделать. В самых современных науках и сейчас всякого идеологического вздора появляется не меньше, чем в прошлые века.

Но главное, что определяет наукообразный вид марксистской идеологии в сформировавшемся коммунистическом (советском) обществе, это — его фактическая роль в функционировании этого общества: роль средства управления массами людей, средства стандартизации их поведения, средства эксплуатации низших слоев населения высшими и т. д. Марксизм маскируется под науку, и благодаря этому легче изобразить сложившееся общество как высший и закономерный продукт объективных законов истории, изобразить деятельность руководства как деятельность от имени этих объективных законов, изобразить всякий корыстный интерес и идиотизм руководства как гениальное научное предвидение и т. д. и т. п. Первые годы (и даже десятилетия) существования советского общества для некоторой части населения (для большой и активной) марксизм играл роль, подобную религии. Была вера в его постулаты и лозунги. Он владел душами этих людей. Но постепенно эта вера испарилась (особенно после второй мировой войны). И марксистская идеология, естественно, стала еще более интенсивно привлекать себе в сообщники науку, прикидываясь другом и покровителем науки и, само собой разумеется, высшей наукой. Одним насилием идеологию не навяжешь достаточно прочно. Веры нет. А в наш век научного безумия было бы непростительной глуп-

постью для господствующей государственной идеологии не идти в ногу со временем.

Но марксизм возникал не только как претензия на научное понимание всего на свете, а и как выражение интересов и мечтаний угнетенных и обиженных классов общества, как выражение вековых мечтаний человечества о рае земном. А мечты и желания по своей природе не имеют ничего общего с наукой. Социальные мечты суть утопии. Превращение же утопии в науку исключено — об этом говорит настоящая наука и практический опыт человечества.

А тот факт, что марксизм не только в качестве могучей организации людей, но и по своему текстуальному виду не есть наука, можно установить путем анализа любых его понятий и утверждений, начиная с понятия материи и кончая понятием «научного коммунизма». Ни одно понятие в марксизме (буквально ни одно!) не удовлетворяет логическим правилам построения научных понятий. Ни одно утверждение марксизма (не считая пустых банальностей) не может быть проверено по правилам проверки научных утверждений. Например, громя неугодных ему философов (а эти погромы основателями марксизма инакомыслящих суть теоретическая подготовка к будущим массовым репрессиям) и выдавая за свои открытия украденные у них мысли (что тоже в духе марксизма), Ленин дает «свое» знаменитое «определение» материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях. При этом он наивно (т. е. по невежеству) полагает, что «материя» — самое общее понятие. Но даже начинающим студентам (а порой — и школьникам) известно, что по правилам определения понятий выражение «объективная реальность» будет более общим, чем «материя», а оба выражения «объективная реальность» и «данная нам в ощущениях» с точки зрения построения понятий более «первичны», чем «материя». Я уж не говорю о том, что выражение «объективная реальность» ничуть не яснее по значению, чем «материя». Но такого рода глубокомысленные по видимости (и пустые по существу) выражения производят впечатление высокой науки. И нередко даже на крупных ученых. Впрочем, тут удивляться не стоит, ибо среди ученых кретингов встречается не меньше, чем среди представителей других профессий. Придумывая свой коммунистический земной рай (и называя свои вымыслы,

естественно, научным коммунизмом), основатели марксизма и их последователи игнорируют самое элементарное требование опытной науки, если не существует ее предмет. Но если даже рассматривать их «научный коммунизм» как проект будущего общества, то и тут можно увидеть игнорирование самых азов действительно научного подхода к обществу. Например, они совершенно игнорируют факт дифференциации общества на социальные группы и иерархию последних, неизбежное разделение общества на слои с различными жизненными условиями, разнообразие видов деятельности и социальных позиций людей, вследствие которых знаменитые лозунги «каждому по труду» и «каждому по потребности» либо превращаются в пропагандистские пустышки (если их понимать буквально), либо реализуются в форме, ничего общего не имеющей с их текстуальным видом (а именно — труд начальника оценивается выше, чем труд подчиненных, а потребности определяются в зависимости от социального положения индивидов).

Но самый сильный показатель того, что марксизм есть идеология, но не наука, есть отношение марксизма к опыту реальных коммунистических (или социалистических) обществ, которые считаются построенными по его проекту. Марксизм не способен отразить этот опыт даже на том интеллектуальном уровне, на каком он критиковал капиталистическое общество. Более чем шестидесятилетний опыт Советского Союза и опыт многих других коммунистических стран дал и дает совершенно бесспорные свидетельства о природе этого общества. Массовые репрессии, низкий жизненный уровень для большей части населения, прикрепление к местам жительства и работы, колоссальные различия в жизненном уровне высших и низших слоев населения, подавление всякого инакомыслия, отсутствие гражданских свобод, карьеризм, взяточничество, система привилегий, бесхозяйственность, расточительность на руководящие спектакли, милитаризация и т. д. и т. п. И как на эти факты реагирует марксизм? Советский марксизм (и марксизм других коммунистических стран) эти факты просто не признает, считая всякие разговоры о них клеветой на советский (или иной коммунистический) образ жизни. Западный марксизм уверяет, что западные коммунисты построят коммунистическое общество без этих недостатков и сохранив достоинства обществ западной демократии.

Трудно придумать что-либо более несуразное именно с научной точки зрения. Именно научное исследование реального (а не выдуманного, идеологического) коммунизма могло бы без особого труда обнаружить, что все эти факты не случайны, что они вырастают из самих основ коммунистического строя жизни, что они суть неизбежные спутники реализации именно положительных идеалов марксизма. Хотя марксизм и начинал свою историческую карьеру с намерения научно объяснить ход общественного развития, закончил он ее полным отказом от научного понимания общества, в котором он завоевал роль господствующей государственной идеологии.

Я думаю, что нет надобности рассказывать о поведении марксизма в качестве идеологического диктатора в прошедшей истории Советского Союза. Оно всем хорошо известно. Это — подлости, подлоги, преступления... Если бы в деталях описать все, содеянное идеологическим аппаратом марксизма за годы советской истории, даже враги марксизма не поверили бы в правдивость этой картины. Говорят, что марксисты руководились добрыми намерениями. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Но утверждение о благих намерениях тут ложно. Никаких иных намерений, кроме намерений живых людей — участников этой марксистской армии идеологов — удовлетворить свои эгоистические потребности, тут не было. И быть не может по социальным законам истории. Я имею в виду нормальные социальные законы, а не ту бессмысленную марксистскую болтовню о законах общества, которыми задурили головы миллионам обывателей.

Марксизм оказался в высшей степени удобным в качестве идеологии побеждающих коммунистических режимов вовсе не потому, что он научен. Если бы он был наукой, да еще высшей, он успеха иметь не мог бы. На изучение науки, как известно, нужно специальное образование. Нужны годы и годы. Он оказался удобным именно потому, что породил огромный поток идеологических текстов, демагогических обещаний и лозунгов, похожих на науку, но не требующих никакой научной подготовки. При желании можно с поразительной быстротой научиться продуцировать марксистские тексты и речи абсолютно для любой ситуации. А для властей марксизм дает чудесный метод и богатую фразеологию для оправдания любой их пакости. Любой руководящий

кретин может сделать вклад в «науку», если, конечно, ему позволят (или сочтут это нужным) его соратники. Именно неопределенность и бесформенность понятий и бессмысленность утверждений марксизма и необходимость не буквального его понимания, а истолкования, делает его удобным для господствующих слоев общества, ибо истолкование марксизма становится прерогативой высшего партийного руководства. В марксизме написано такое множество разнообразных фраз, что на все случаи жизни можно выбрать подходящие фразы и истолковать их в желаемом духе. Эту работу и выполняет огромный марксистский идеологический аппарат.

Алкала, декабрь 1978 г.

О СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

(Доклад в университете Алкала, Испания)

Советская философия есть составная часть могучего идеологического аппарата советского общества. И отделить ее от этого аппарата можно лишь условно. Это — довольно большой (по числу людей) слой, в который включаются лица, получившие специальное философское образование, имеющие философские степени и звания, работающие в философских учреждениях или на особых философских должностях и вообще в своей активности так или иначе причастные к философии. В Советском Союзе невозможно иметь точные данные о числе людей этого слоя и о их распределении по различным рубрикам. Но думаю, что число их намного превышает двадцать тысяч. Этот слой занимает довольно высокое положение в иерархии советского общества. В него входят многочисленные кандидаты и доктора наук, доценты и профессора, академики и члены-корреспонденты, директора институтов, заведующие отделами и секторами, редакторы газет и журналов и т. д. и т. п. А это все — лица, входящие в привилегированные слои общества. Даже низшие представители философского сословия имеют сравнительно приличные условия существования, а многие из них имеют перспективу подняться в более высокие слои, и даже — в высшие. Во всяком случае, лица, избравшие философию в качестве своей профессии, потом редко отказываются от нее. разве что — ради более успешной карьеры и более сытной жизни в аппарате партийных инстанций (вплоть до ЦК КПСС) и в органах государственной безопасности. Советская философия целиком и полностью находится под кон-

тролем партийных органов. Более того, партийные органы через философские верхи руководят всей остальной массой философов, а вся масса философов является эффективным орудием партии в идеологическом воспитании общества и в идеологическом контроле за ним. Подавляющее большинство советских философов суть члены партии и активные партийные функционеры. Беспартийные суть редкое исключение или лица, готовящиеся ко вступлению в партию. Как правило, это — комсомольцы или бывшие комсомольцы. Отбор на философские факультеты производится очень строго. Проникновение в философскую среду лиц, чуждых марксизму (официальной философии СССР), дело довольно редкое. Как только таковые обнаруживаются, они беспощадно подавляются и изгоняются. Все обучение философов — подготовка их к роли идеологических работников. Образование дается довольно примитивное, поверхностное и тенденциозное, но вполне достаточное для будущей роли студентов в обществе. И студенты быстро и легко усваивают всю философскую премудрость, с поразительной быстротой научаются быть такими демагогами и болтунами, что многих из них уже на третьем курсе бывает невозможно отличить от классиков марксизма. В силу систематического отбора в философскую среду бездарностей и в силу низкого уровня образования интеллектуальный уровень советской философии чудовищно низок. Чтобы хотя бы несколько повысить этот уровень, в философскую среду привлекают математиков, физиков, биологов, историков и т. п., главным образом — через философскую аспирантуру. Идут при этом в философию, конечно, бездарные, но тщеславные математики, физики, биологи. В философской среде они обычно сильно прогрессируют в общей болтовне на материале конкретных наук и процветают, поднимая интеллектуальный уровень философии лишь по видимости. Плюс к сказанному — тот факт, что многочисленные лица, причастные так или иначе к аппарату власти, стремятся получить философские дипломы, степени и звания. Этот путь соблазнителен тем, что он способствует карьере и довольно необременителен, ибо нужно быть законченным кретином, чтобы не получить диплом или не защитить диссертацию по философии. Если я не ошибаюсь, даже один известный хоккеист защитил диплом по философии, а один дипломат стал

академиком. Число же работников КГБ с философскими дипломами, докторов наук и даже членов-корреспондентов Академии наук не счесть. Даже экс-чемпион мира по шахматам Петросян является кандидатом философских наук. Между прочим, по логике. Можете себе представить, что это за логика!

Такова далеко не полная картина жизненно практического положения советской философии. Не принимая ее во внимание в качестве основы, невозможно правильно понять советскую философию в ее текстуально-речевом выражении. Конечно, в советской философии можно обнаружить отдельных приличных и умных специалистов, отдельные талантливые работы на уровне мировых образцов такого же рода. Однако это — либо дело случая и недосмотра со стороны философских властей, либо результат неимоверных личных ухищрений, либо нечто, допускаемое для отчетов и показухи, для пускания пыли в глаза иностранцам и маскировки. Общей картины советской философии и ее фактической роли это не меняет. Тем более такого рода отклонения от общей нормы не поощряются, а чаще даже преследуются. Поэтому я и буду к этому в дальнейшем относиться как к нарушениям нормы, а не как к норме. Однажды я публично оценил советскую философию как помойку в интеллектуальном и нравственном отношении, и я от этой оценки не отказываюсь и теперь, считая ее вполне адекватной.

Хотя советская философия в целом есть часть идеологии и не имеет ничего общего (по существу, а не по видимости) с наукой, она всячески стремится выдать себя за науку, причем — за науку самую высшую и, вместе с тем, самую глубокую, самую всеобъемлющую и, вместе с тем, самую строгую и точную. Вы не сможете назвать ни одного крупного исторического события или научного открытия, относительно которого советские философы не претендовали бы на самое правильное и подлинно научное его истолкование. Сознание своего «подлинно научного», «единственно правильного» и т. п. превосходства над всеми прочими философами прошлого и настоящего (включая и своих собратьев зарубежных марксистов; исключая, конечно, лишь Маркса и Энгельса) — такова фундаментальная психологическая черта советской философии. И хотя советские философы в домашней обстановке часто признаются

в том, что они — невежды, бездари и прохвосты, это ничуть не мешает им публично становиться в позу представителей высшей философской «расы».

Советские философы определяют философию как науку о наиболее общих законах природы, общества и познания, ничуть не заботясь о коварстве употребляемых слов и даже не подозревая о нем. На самом деле всякий закон универсален, но не всеобщ. И никаких всеобщих законов вообще не существует. Приведите мне пример хотя бы одного такого всеобщего закона, и я покажу, что он либо ложен (т.е. есть отвергающие его исключения), либо есть соглашение о смысле общих слов. Но пусть то, что советские философы считают «общими законами», есть некий общий разговор в таких выражениях, как «материя», «пространство», «время», «движение», «качество», «количество» и т. д. Все-таки какие-то рамки этими выражениями задаются. Но если вы посмотрите, чем фактически занимаются советские философы, вы увидите, что они эти границы никогда не соблюдают. Они говорят и пишут обо всем, что угодно. Они вторгаются во все сферы культуры, на которые им указывают свыше или за счет которых можно так или иначе поднажиться, удовлетворить тщеславие, сделать карьеру. Я несколько лет работал в экспертной комиссии, рассматривающей кандидатские и докторские диссертации. Я тогда просмотрел сотни диссертаций. Лишь десятая доля из них удовлетворяла общепринятому определению предмета философии. По моим наблюдениям, картина эта нисколько не изменилась и впоследствии.

Но чем бы советские философы ни занимались, основная задача их — пропаганда марксизма, внедрение марксизма во все сферы духовной жизни общества, причисывание под марксизм всех значительных явлений культуры, пропаганда и возвеличивание речей партийных вождей, травля всего выходящего за дозволенные рамки. Например, главный философский журнал «Вопросы философии» в самое, казалось бы, «либеральное» время явил такое безудержное холуйство перед Брежневым, какого не было даже в журнале «Под знаменем марксизма» по отношению к Сталину. Часто приходилось слышать от людей, даже претендующих на статус ученых, с насмешкой относившихся к марксизму, к Хрущеву, к Брежневу и т. п., но ссылавшихся на них, будто это — пустые формальности: мол, сошлись на Брежнева для

отвода глаз, а там пиши, что хочешь. Это — глубочайшее заблуждение! Во-первых, что хочешь не напишешь, в печатающих инстанциях сидят надежные контролеры. А во-вторых, именно это «что угодно» есть пустая формальность, а ссылки на классиков марксизма и партийных руководителей — суть дела. Эти ссылки отпадают лишь в воображении авторов, желающих выглядеть прилично. А на самом деле идут годы, отпадает и забывается содержание работ таких авторов, а остается лишь то, что и они действовали от имени и во имя марксизма и партии.

В советской философии есть отдельные вкрапления, которые сами по себе могут быть отнесены к области науки. Таковы, например, логика, методология науки, эстетика, этика и т. п. Но их удельный вес в советской философии ничтожен. Кроме того, и они так или иначе выполняют идеологические функции, будучи составным элементом идеологической жизни в целом. В свое время, например, даже мои логические исследования, не имевшие ничего общего с марксизмом, так или иначе использовались в интересах последнего. Хотя бы в форме некоторого примера «свободы творчества» в рамках советской философии.

Советская философия стремится идти в ногу с веком. Открыли новую микрочастицу в физике — сразу отклики: статьи, диссертации, симпозиумы. Открыли «дырку» в космосе — опять статьи, диссертации, симпозиумы. Установили коммунистический режим где-нибудь в Африке — статьи, диссертации, симпозиумы. Написали Брежневу новую речь или даже книгу о его необычайных подвигах — само собой разумеется, статьи, диссертации, симпозиумы. Но все это по существу есть лишь чисто идеологическая, т. е. формальная реакция на происходящее. Никакого позитивного участия философии в научном творчестве никогда и нигде не ощущается. Она не делает никаких своих открытий. Более того, она принципиально призвана истолковывать и обобщать чужие открытия. Как «обобщать»? Не ищите в этом никакого научного смысла. Для нее обобщать происходящее — наговорить и написать достаточно большое количество подходящих слов, причем так, чтобы начальство было довольным, чтобы для себя из этого кое-что извлечь можно было. А чтобы желаемое было достигнуто, есть лишь один путь как-то привязать происходящее к

банальным или бессмысленным марксистским фразам, т. е. путь пропаганды и возвеличивания государственной марксистской идеологии.

Одной из характерных черт советской философии является беззастенчивое воровство из науки, культуры и философии Запада. Делается это под видом критики западной философской мысли. Общий принцип здесь таков: воруются какая-то западная мысль, делается вид, будто до этой мысли советские философы сами додумались, или будто все это уже у классиков было, а затем западные мыслители критикуются за искажение этой самой мысли. Некоторые наиболее талантливые и образованные советские философы делают вид, будто они используют критику западной философской мысли как удобную форму познакомить с этой самой мыслью советских читателей и высказать свои собственные оригинальные мысли, по идее выходящие за рамки марксизма. Но это, увы, лишь самообольщение. Советские идеологические цензоры и контролеры, разрешая к печати такие «смелые» творения (а обычно их печатают в партийных журналах и издательствах), свое дело знают хорошо. «Собственные оригинальные» мысли авторов все равно выступают лишь как ничтожные прибавочки к монументальным положениям марксизма, а западная мысль препарируется на потребу советского идеологически обработанного человека. От мыслей не остается ничего. Остаются лишь некие умыслы и замыслы.

Советская философия существует и производит мощные потоки идеологических помоев главным образом для внутреннего потребления и отчасти — для заграницы. В Советском Союзе то, что делается для заграницы, делается немного лучше того, что делается для внутреннего потребления. И сейчас (это началось еще два десятилетия назад) советская философия всячески стремится завоевать место на международном идеологическом и вообще культурном рынке. И потому она старается выглядеть для внешнего мира поприличнее. Иначе теперь, в условиях пошатнувшегося морального и интеллектуального престижа марксизма завоевать какой-то авторитет совершенно немислимо. Но и в этой роли советская философия не может быть ничем иным, кроме как элементом в идеологической экспансии Советского Союза в страны Запада. Какими бы образованными, интеллигентными, либеральными, терпимыми и т. п. ни выглядели пред-

ставители советской философии в общении с западными деятелями культуры, они выполняют ту же функцию, какую раньше выполняли ортодоксальные сталинисты. Они лишь выполняют эту функцию лучше своих предшественников. Столкнувшись с такого рода представителями советской философии, знайте, что они специально отобраны для этой роли — производить нужное впечатление, что им дозволено быть «вольнодумными» и даже порой критиковать какие-то стороны марксизма и признавать какие-то заслуги западной философии.

Как относится советское население к своим философам? В большинстве случаев — с безразличием или с презрением. Но не следует из этого делать оптимистические выводы. Как бы люди ни относились к философии, они соприкасаются с нею систематически и постоянно испытывают ее контроль за их сознанием и ее оглуляющее влияние. Люди не сопротивляются ей. Сопротивление исключено, ибо за это — плохие отметки, исключение из учебных заведений, невозможность продвижения по иерархической лестнице и т. п. Они вынуждены принимать ее и усваивать, определенным образом формируя свое сознание и характер мышления. В результате даже люди, критически относящиеся к советскому образу жизни и советской идеологии, полемизируют с ними в плоскости того же строя мышления, теми же средствами, с теми же последствиями, т. е. все равно остаются во власти этой философии.

Каковы перспективы советской философии? Превосходные. По числу дипломированных философов, кандидатов и докторов, доцентов и профессоров философии Советский Союз давно обогнал самые передовые капиталистические страны. Правда, сейчас несколько снизились темпы прироста. Но зато качество философов улучшается. Они с каждым годом все более приближаются к западным образцам (изучают иностранные языки, бороды отпускают, западных философов коллегами называют и т. п.), успешно справляясь при этом с традиционными функциями идеологических надсмотрщиков и погромщиков. На Западе советских философов уже сейчас принимают с распростертыми объятиями, а в недалеком будущем они тут будут себя чувствовать как дома. В свою очередь, советские философы предоставляют богатую арену для удовлетворения тщеславия стареющих и устаревших западных философов, которые за упоминание их имени в советской

философской литературе (пусть в качестве недоумков и прислужников капиталистов!) готовы пожертвовать всеми ценностями западной демократии.

Советские философы имеют целый ряд несомненных преимуществ перед западными. Во-первых, им не нужно терзаться в поисках новых творческих идей, ибо они у них были, есть и будут, — это суть идеи марксизма, а также гениальные (что само собой разумеется) постановления Партии и Правительства и речи руководителей. А что в мире вообще может сравниться по творческой новизне и глубине с речами партийных вождей, написанными для них при участии самих советских философов?! Во-вторых, при всем разнообразии советских философов они образуют нечто единое и монолитное в качестве чиновников государственного идеологического аппарата, тогда как западная философия распадается на десятки и сотни всякого рода школ, школок, групп и группок. В-третьих, советская философия опирается на всю мощь советского государства, хорошо поддерживается им в качестве своего важного оружия, чего нельзя сказать о западной философии. Далее, советская философия постоянно находится в состоянии готовности нападения на любого противника, на которого ей укажут свыше, не испытывая при этом никаких возвышенных эмоций, осуществляя свои погромные действия как будничную, привычную работу. Наконец, советская философия выигрывает, когда ее хвалят, и выигрывает, когда ее ругают, — выигрывает от всякого внимания, проявляемого к ней. Она тогда начинает ощущать себя не в качестве идеологической помойки, какою она является на самом деле, а в качестве значительного явления в духовной жизни человечества. И такую она начинает казаться окружающим. Лишь презрение и безразличие к ней низводит ее до адекватного ей уровня социальной значимости. Но западная философия не способна к такому отношению к советской философии как к целому. Я не призываю тем самым к полному бойкоту советской философии. Я лишь считаю разумным выделять в среде советских философов отдельных достойных людей персонально и относиться к ним как к отдельным личностям, а не принимать советскую философию как некое целое. В последнем случае получается отношение неравноценных партнеров: с одной стороны — могучее советское государство, представляемое в области философии специально отобранными

и назначенными идеологическими чиновниками, а с другой стороны — отдельные частные лица и организации, не представляющие никакой государственности. В этой связи я хочу подчеркнуть, что существующая международная философская ассоциация, абсолютно ничего общего не имеющая с интересами науки, весьма способствует укреплению советской философии. Но я сомневаюсь в том, чтобы западные философы отказались от нее, ибо она и им дает возможность тешиться в бессмысленных спектаклях международного масштаба, какими являются международные конгрессы и прочие события того же рода. И в этом тоже слабость западной философии. В силу ее массовости она во многом уподобляется советской, но при этом она не призывается служить некоей государственной идеологии, некоей правящей партии и вообще некоему обществу как целому.

В заключение хочу заметить, что рассматривать советскую философию с точки зрения перечня проблем, которыми занимаются те или иные философы, и списка опубликованных их работ — значит упустить в ней главное, а именно — ее роль в советском обществе и в проникновении последнего в страны Запада. Советская философия — это огромная масса людей, среди которых любой западный философ может найти существо, подобное себе. Но прежде чем признать в этом существе коллегу и соратника в поисках некоей истины, западному философу не мешало бы знать о том, что это существо (за редким исключением, которые можно перечесть на пальцах) есть служащий идеологического аппарата коммунистического общества и его, западного философа, потенциальный или даже актуальный погромщик.

Алкала, декабрь 1978 г.

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ, НА ТО И НАПОРОЛИСЬ

**(Из выступления в обществе интеллектуалов СИЕЛ
в Париже, XII.1978)**

Сейчас для большинства думающих людей реальная картина советского общества более или менее известна. Известны факты массовых репрессий в сталинские времена. Известно, что в Советском Союзе отсутствуют гражданские свободы. Не нарушаются, а именно отсутствуют. Известно, что чрезвычайно низок жизненный уровень большинства населения, что огромных размеров достигает разница в жизненном уровне высших и низших слоев населения, что процветает карьеризм, взяточничество, халтура, очковтирательство. Известно, что население прикреплено так или иначе к местам жительства и работы, что пошлость, тупость и насилие пронизывают все клеточки и ткани общества. Все это хорошо описано в критической литературе, которая производится сейчас в изобилии и играет весьма существенную роль. И даже западные коммунисты уже не отрицают того, что сложившийся в Советском Союзе строй жизни похож не столько на рай земной, сколько на перманентный кошмар. И теперь возникает вопрос куда более существенный: а откуда все это появилось? Неправильно истолковали Маркса и построили общество, которое не соответствует его прекрасному идеалу? Так ведь больше ста лет истолковывали, десятки тысяч людей этим занимались. Неужели все ошибались? В Советском Союзе десятки тысяч дипломированных специалистов занимаются истолкованием марксизма, да к тому же делают они это, само собой разумеется, творчески. И что же, все ошибаются? Или наоборот, может быть все это получилось именно потому, что правильно истолковали Маркса и сдела-

ли именно то, чего он и хотел? Может быть, такая мерзость получилась именно потому, что послушались Маркса, а вот если бы не послушались, так получилось бы лучше? Или группа заговорщиков захватила власть, изнасиловала несчастный, добрый народ и навязала ему такой нелепый образ жизни? Ведь есть же люди, которые думают, что советский народ немедленно сбросит свою власть, если ему дать свободу избрания или неизбрания этой власти. Или нехорошие люди пробрались в руководство и исказили прекрасные ленинские принципы?

Подлинный социализм построен в Советском Союзе или неправильный, подлинный коммунизм или нет, построенный или недостроенный, коммунизм или социализм, марксовский или ленинский, ленинский или сталинский — все это спор о словах. Я лично считаю, что построили именно то, что хотели построить. Все лучшие чаяния лучших умов и сердец прошлого воплотили в жизнь сполна. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. В общем и целом построили правильно. Конечно, кое-что не предусмотрели. Частью — потому что не могли предусмотреть, частью — потому что не хотели, хотя и догадывались. Зачем, в частности, было предусматривать кровавый террор после революции?! Народные массы тогда могли и не воплощать в жизнь свои чаяния. В общем-то, народные массы все равно сделали бы то, что они сделали. На то они и массы. А чаяния стоили того, чтобы несколько десятков миллионов врагов и друзей (главным образом — последних) передушить. Но тут, надо полагать, был теоретический недосмотр. Повторяю, построили то, что хотели. Построили по плану, в полном соответствии с мудрыми указаниями вождей и чаяниями масс. Более того, ничего другого и не могло построиться. Построиться могло только это, ибо огромные общества строятся по определенным социальным законам, о которых, между прочим, основатели марксизма и их нынешние последователи даже не подозревали и не подозревают. Строилось на самом деле все естественноисторическим путем, а вожди и руководители действовали по традиционному принципу: «А что я вам говорил?!» И ничего другого построиться не может. И если нечто подобное будет строиться здесь, на Западе, построится все равно нечто советскообразное. Будет, конечно, какая-то непринципиаль-

ная разница. Известно, что феодализм во Франции был мягче российского. И коммунизм здесь будет, возможно, мягче. Ну, хотя бы потому, что здесь нет своей Сибири.

Когда основатели марксизма выдвигали идею коммунистического общества и обещали построить земной рай, они не думали о том, что именно воплощение в жизнь самых лучших чаяний человечества, самых светлых идеалов, породит те страшные мерзости, которые уже стали очевидным фактом и относительно которых уже есть полная уверенность, что они неслучайны. Наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Те недостатки, которые обнаружались в жизни коммунистических стран, столь же естественны и натуральны, как и ее достоинства. Возьмем такой факт, как массовые репрессии после революции и при сталинизме. Что это такое? На мой взгляд, это и есть народовластие в реальном его исполнении. Это и есть подлинная свобода, доведенная до предела. Это — власть народа. Общественная жизнь — очень сложное явление. И такого рода парадоксы можно в ней наблюдать на каждом шагу. Самое предельное насилие над личностью в рамках этого общества вырастает именно из заботы о личности. Социальное неравенство в коммунистическом мире не уничтожается, а только меняет форму и становится более острым, чем в странах западной демократии. Социальное неравенство вырастает именно из того, что реализуются принципы равенства. Это можно доказать, произведя соответствующий анализ общества. Словом, для того чтобы разобраться в том, что происходит, чтобы выяснить — случайно это или не случайно, будет это повторяться или нет, надо исходить не из мечтаний прекраснодушных людей столетней давности, не из обещаний демагогов, не из партийных программ, не из заклинаний пророков, а надо исходить из реальности, которую мы имеем.

Мне часто возражают: «Маркс говорил», «Маркс обещал»... Ну скажите, кому я должен больше верить — Марксу, который жил сто лет назад и не имел представления, что такое коммунистическое общество в реальности, или самому себе, который вырос в коммунистическом обществе и прожил в нем 56 лет? Кому я должен верить — шестидесятилетнему опыту коммунистической страны, опыту многих уже коммунистических стран, или партийным программам, которые, кстати,

можно менять в зависимости от ситуации. Уверяю вас, когда речь идет о власти, эти партии могут наобещать все, что угодно. Они могут даже не только от диктатуры пролетариата, но и от первичности материи отказаться. Разумеется, я предпочитаю верить самому себе, своим собственным глазам. И призываю к этому других. Но исходить из реальности — этого еще мало, потому что по-разному можно подходить к самой реальности. Вот несколько примеров такого рода. Приезжают иностранцы в Советский Союз, заходят в церковь, видят — молодежь молится, венчаются пары, ребенка крестят, а там и тридцатилетний бородатый интеллигент окрестился... Факты? Факты. И вывод кажется очевидным: в России происходит религиозное обновление, русский народ возвращается в лоно православной церкви. Или — в Советском Союзе сейчас невозможно найти человека, который не поносил бы советский образ жизни. Все критикуют. И как критикуют! Многие партийные чиновники критикуют советский образ жизни похлеще, чем диссиденты. Это тоже факты. Какой вывод порой делают из этих фактов? Пора свергать советскую власть! Ее же все критикуют! Или еще один факт: в марксизм в СССР никто не верит. Действительно, мало кто верит. Хотя все сдают экзамены на пятерки, а между собой говорят: это же примитив. Так вот: если в марксизм никто не верит, идеология рухнула, значит, общество должно распасться. А общество стоит, крепнет из года в год, процветает (со своей точки зрения). Так в чем же дело? Значит, одних фактов мало. Факты нужно определенным образом понять. И существует определенная техника понимания фактов. Все-таки мы живем в конце XX века, века науки. И просто глупо не использовать разработанные наукой средства понимания происходящего. В наше время заклинаниями и призывами не отделаешься. Нужно серьезное, кропотливое исследование реальности. Иначе просто запутаешься. Иначе можно выдвигать всякого рода программы, которые будут вспыхивать, вызывать сенсацию и вскоре исчезать.

Говорят: чтобы понять коммунистическое общество, надо выяснить, как оно формировалось исторически, рассмотреть историю его становления. Но существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, что появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь

после этого и на основе этого выяснять, как же оно появлялось. Без этого всякий исторический подход лишен смысла. И я могу сформулировать такое, на первый взгляд, еретическое утверждение: именно исторический подход к такому обществу, как советское, закрывает всякую возможность его понимания. Почему?.. Шла история. Люди влезали на броневики, произносили речи, захватывали оружейные склады, телефонные станции, ставили к стенке, стреляли, носились с шашкой наголо на коне с криками «ура» — это неслась история. А в это время незримо, незаметно, где-то в обществе зрело то, что я называю социологией. Ведь чтобы Чапаев мчался с шашкой и в развевающейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии, а в канцелярии надо столы расставить, а за эти столы посадить людей. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то... И когда драматическая история пронеслась и дым развеялся, выяснилось, что именно из этого получилось, что именно осталось от истории. Контора осталась. История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась. Надо, повторяю и подчеркиваю, брать общество в том виде, как оно сложилось и существует на наших глазах. И тогда будет понятно, зачем носился Чапаев с шашкой наголо: отнюдь не для того, чтобы спасти страждущее человечество, а для того, в частности, чтобы чиновники из аппарата всех сортов власти (ЦК, КГБ, Академии наук, Союза писателей и т. п.) могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины...

Считается, что советское общество еще в пути к светлым идеалам, еще не дошло. Вот дойдет (а осталось совсем немного — мы уже в развитом социализме!), тогда и будет все то, о чем мечтали, и не будет ничего того, о чем не мечтали. Эта позиция по меньшей мере наивна. Есть законы формирования типов цивилизаций («кристаллизации» общества), неподвластные даже ЦК КПСС и КГБ. С точки зрения исторического времени цивилизации складываются почти мгновенно. Порой бывает достаточно нескольких десятков лет. Причем цивилизация складывается сразу в том виде, в каком

она будет существовать века. Конечно, мелкие перемены и усовершенствования будут происходить. Но существо ее останется незыблемым. Причем сама по себе она не содержит внутри себя причин, разрушающих ее. В Советском Союзе коммунистический тип общества уже сложился и достиг зрелости. И подлинная натура его определилась полностью. Будущее вряд ли прибавит к этому нечто принципиально новое. Можно показать, что даже принцип «каждому — по потребности» тут реализовался. Правда, в несколько парадоксальной форме: «каждому — по его социальному положению». Но это нормально, ибо «разумные» потребности каждого определены его социальным положением.

Есть, повторяю, определенная научная техника понимания таких сложных явлений, как многомиллионные общества. В частности, чтобы понять общество такого типа, как советское, надо начать с выделения элементарной клеточки этого общества и исследования ее. Клеточка общества — самая малая его часть, обладающая наиболее существенными чертами целого, можно сказать — общество в миниатюре. Возьмите любой институт, фабрику, завод, совхоз, магазин, школу, больницу и т. п., и вы там обнаружите все то, что определяет картину общества в целом: насилие коллектива над индивидом, распределение по принципу социального положения, карьеризм, лицемерие, двоемыслие, халтура. Карательные органы страны, которые кажутся стоящими над «народом» (что это такое?!) и чуждыми ему, представляют собою на самом деле органы насилия коллектива над индивидом, обобщающие в масштабах страны реальное положение индивида в обществе. Не будь этих специальных организаций, при каждом учреждении страны завели бы свои карательные группы и тюрьмы. Я по своему личному опыту знаю, что такое карательная мощь сослуживцев, коллег, друзей. В этом обществе на самом деле они — высшая власть. Уверяю вас, если бы расправу надо мною поручили бывшим моим коллегам, друзьям, сослуживцам, я давно висел бы на веревке в Москве на Волхонке, 14. Там есть удобный для этого дворик, в середине которого есть клумба. В либеральные хрущевские времена в центре этой клумбы росла чахлая кукуруза, так и не достигшая стадии молочно-восковой зрелости.

Советское общество есть скопление сотен миллионов

людей (а с учетом смены поколений — миллиардов), совершающих миллиарды поступков. Допустим на минуту такую абстракцию. Пусть в обществе достигнуто полное изобилие продуктов потребления, пусть откуда-то льется поток их в общество. Все, что угодно: дорогие меха, кольца, бриллианты, вареная колбаса, негнилая картошка, коньяки, баранина, куры, джинсы, колготки, квартиры... Но ведь народ разбросан на большом пространстве. Надо наладить как-то распределение, охрану и хранение. А это предполагает специальных людей и специальные органы. И, значит, вы все равно получите сложную, иерархизированную первичную организацию. И у французов, и у русских, и у китайцев, и у камбоджийцев. И эта организация будет подчиняться общим социальным законам. Других законов не существует. В этой связи вспоминается курьезный случай. Как-то в Москве вели спор на эти темы интеллигенты, и они сформулировали проблему в такой, несколько риторической, форме. Если уж ты такой умный, сказал один интеллигент другому, то представь себе, что тебя поставили во главе правительства и дали тебе всю полноту власти. Что ты сделаешь, чтобы ничего подобного в Советском Союзе больше не было и вся жизнь выглядела бы так хорошо, как хотелось бы тебе? И другой интеллигент ответил: первым же декретом своим я бы передал всю полноту власти тебе. Я этого человека понимаю.

Короче говоря, тот общественный строй, который имеет место в Советском Союзе, сложился вполне естественно, в полном соответствии с социальными законами. Это не есть нечто вымученное или выдуманное злыми и глупыми людьми. Если бы дело обстояло так, что это продукт насилия какой-то кучки людей, продукт обмана, это было бы хорошо. Но, увы, это не так. Когда я говорю, что это — естественное состояние, это не значит, что я считаю это состояние хорошим. Лично мне оно не нравится. Но оно естественно в том смысле, в каком естественной является вода в качестве среды существования рыб или пустыня для змей. Это — социальная пустыня. Но тут из года в год, из поколения в поколение происходил и происходит отбор индивидов, которые могут жить в этой социальной среде. То есть здесь человек приспосабливается к среде, а потом сам начинает эту среду воспроизводить. Получается замкнутый круг. Поймите, птицы могут сказать ры-

бам: «Как прекрасно в воздухе, полетим с нами!» Но ведь рыбы не могут летать, они плавают...

Что же в конце концов остается в этом, казалось бы, безвыходном положении? Я намеренно так остро формулирую свою позицию не с целью запугать людей или сказать, что сопротивление бесполезно. Наоборот, я считаю, что я выражаю в некотором роде мужскую позицию, а именно такую, когда говорят: «Ребята, отступать некуда, мы окружены, будем сражаться до последнего!» И вообще, в общественном развитии рассчитывать на какие-то партии, на каких-то вождей, на пророков, на чье-то прекраснодушие — абсолютно бессмысленно. Человек должен рассчитывать только на самого себя, на свою способность к сопротивлению. Причем для того чтобы произошла хотя бы маленькая эволюция в условиях этого общества, нужны годы и годы, десятилетия и десятилетия, нужны жертвы, нужна борьба. Без этого ничего не получится. И к счастью, дело обстоит таким образом, что это общество, естественно, порождает недовольных и людей, способных к сопротивлению. И эта борьба уже началась. Сейчас она приняла формы диссидентского движения. На мой взгляд, это самое значительное явление в социальной истории Советского Союза со времени революции. Явление более серьезное и значительное, чем космические полеты, чем атомные бомбы. И уж тем более гораздо более значительное, чем выход в свет очередного эпохального труда Брежнева о том, как он осваивал целинные земли.

Париж, декабрь 1978 г.

ОБ ОППОЗИЦИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(Доклад для конференции во Флоренции)

Употребляя выражение «коммунистическое общество», я имею в виду общество такого типа, как в Советском Союзе. Конечно, установление коммунистического социального строя в других странах дает и будет давать какие-то вариации и модификации на этот счет. Но при этом тип общества остается и будет оставаться тем же самым. Вот некоторые необходимые черты общества этого типа. Уничтожается частная собственность на средства производства, последние обобществляются в масштабах всей страны. Единая и унифицированная система власти пронизывает все общество сверху до низу и во всех его пространственных разветвлениях. Эта система власти является самодовлеющей и самовоспроизводящейся путем индивидуального отбора в нее подходящих индивидов соответствующими ответственными органами. Хотя внешне эта власть старается выглядеть выборной, на самом деле она таковой не является. В стране устанавливается единая экономическая система с тесной взаимной зависимостью ее подразделений, с единым планом, без конкуренции и свободного рынка, с политикой цен и т. п. Общество расчленяется на стандартные социально-производственные (деловые) ячейки, выполняющие заданные и строго контролируемые функции в жизни общества. Стандартизируются условия жизни и деятельности в деловых ячейках и прочих сферах жизни людей. Индивиды так или иначе прикрепляются к таким социально-производственным ячейкам и местам жительства. Коллектив осуществляет контроль за всеми существенными аспектами жизни общества. Об-

разуется сложная иерархия социально-деловых коллективов и, соответственно, сложная иерархия должностных лиц и социальных позиций индивидов. Общество разделяется на привилегированные и непривилегированные слои. Различие в жизненном уровне достигает здесь огромных размеров. Специальные органы контролируют все стороны жизни людей. Огромную роль приобретает единая государственная идеология. Унифицируется система воспитания и образования. Распределение ценностей осуществляется в соответствии с социальным положением индивидов.

Я далеко не исчерпал общих черт всякого общества коммунистического типа. Но сказанного достаточно для того, чтобы понять, о чем тут идет речь. Я намеренно не назвал также такие явления жизни коммунистических стран, как репрессии, отсутствие гражданских свобод, низкий жизненный уровень большинства населения, процветание бездарности и бесхозяйственности, бессмысленные траты на руководящие спектакли, карьеризм, взяточничество, пьянство и т. п., поскольку эти явления суть следствия коммунистического строя жизни, а не основы его. Господствующие силы этого общества не стремятся сознательно производить, например, товары низкого качества, создавать продовольственные затруднения, плодить взяточников, халтурщиков и карьеристов. Но это все же происходит помимо их воли, как неизбежное следствие жизнедеятельности общества с данным социальным строем.

Коммунистический строй жизни есть в принципе устойчивый (и даже застойный) строй жизни по целому ряду причин, из которых назову здесь для примера следующие. Колоссальная система управления и контроля пронизывает все общество в самых различных разрезах, так что человек оказывается буквально опутанным этой сетью власти. Довольно большое число людей образует привилегированные слои общества, кровно заинтересованные в его сохранении и упрочении. Если оставить без внимания всякого рода отклонения от нормы, хотя они и не случайны и не единичны, то все трудоспособные (активные) члены общества так или иначе прикреплены к первичным коллективам, отдают через него свои силы обществу и через него получают жизненные блага. Так что индивид заинтересован в своем согласии с нормами жизни и требованиями

коллектива. Вместе с тем, коллектив дает индивидам известную защиту и помощь в трудных ситуациях. Условия труда обычно сравнительно легкие. Хотя жизненный уровень сравнительно невысок, минимальные потребности в жилье, пище, одежде, развлечениях, медицинской помощи и отдыхе здесь более или менее удовлетворяются. Между индивидами и группами индивидов устанавливаются такие зависимости, что все оказываются заинтересованными в стабильности обычной жизненной рутины. Психологически подчинение назначаемым свыше чиновникам менее унижительно, чем частным хозяевам. Тем более на низших уровнях эти чиновники — выходцы из низших слоев населения и фактически живут в этих слоях. В критических ситуациях (стихийные бедствия, например) преимущества строя кажутся очевидными. Люди имеют значительные возможности устраиваться и улучшать свои жизненные условия, используя свое служебное положение и личные связи (воровство, взаимные услуги, взятки, блат). Короче говоря, если беспристрастно рассмотреть реальную жизнь общества такого типа, то можно обнаружить бесчисленные нити, сплетающие миллионы людей в тот самый единый монолит, каким его изображает официальная пропаганда. Добавьте к этому педантично действующую систему воспитания и идеологической обработки людей, благодаря которой складывается единый стереотип поведения всех (за редким исключением) членов общества от вождей до уборщиц. Хотя коммунистическое общество и есть общество людей, недовольных условиями своего существования, однако в подавляющем большинстве члены его не способны жить в иных условиях и воспринимают свои условия как естественную среду обитания. И наивно полагать, будто этот строй держится только на насилии и обмане. Конечно, насилие и ложь пронизывают это общество во всех его звеньях. Но они не столько навязаны людям извне или сверху, сколько порождаются их повседневной жизнедеятельностью в качестве их естественного продукта, в качестве средства самозащиты, приспособления, управления, организации.

Не следует, однако, думать, будто здесь господствует мир и согласие, полная гармония всех лиц, групп, коллективов. Здесь идет всегда и везде своя ожесточенная борьба. Это общество буквально кипит злобой. Дерутся между собою и высшие руководители, и профессо-

ра, и мелкие чиновники, и генералы, и писатели... И эта их борьба есть необходимый элемент нормальной жизни общества. Она обычно ведется в формах и средствами, признаваемыми обществом. Она несколько не ослабляет его и в высшей степени редко служит источником некоей оппозиции самому социальному устройству. Так что далеко не всякое проявление недовольства и далеко не всякую борьбу в обществе коммунистического типа можно рассматривать как оппозицию этому социальному строю и как борьбу против него или против отдельных его сторон.

Коммунистическое общество, как и всякое другое, вполне естественно порождает всякого рода недовольство данными условиями жизни и желание как-то их изменить. Но каждый тип общества характеризуется специфическим типом недовольства и специфическим типом желаемых изменений. В Советском Союзе, например, вы можете найти много людей, недовольных тем, что здесь уничтожена частная собственность на средства производства, частное предпринимательство. Вы можете найти также людей, которые хотели бы восстановить монархический строй с помещиками и капиталистами. Но можно ли такого рода явления принимать теперь всерьез и рассматривать их как недовольство и желание изменений, характерные именно для коммунистического строя жизни? Конечно, нет. Подавляющее большинство населения (причем — и лучшая его часть) Советского Союза категорически против передачи учреждений и предприятий, где они работают, в частную собственность. Частное предпринимательство здесь принимает форму уголовных преступлений, и население одобряет их разоблачение. А идея восстановления монархии здесь просто смехотворна.

С другой стороны, в Советском Союзе все чем-нибудь недовольны. Здесь все и всё критикуют. Критическими материалами заполнены все газеты и журналы. Официальная советская литература в критике советского образа жизни не отстает от диссидентской литературы, а кое в чем даже превосходит ее. Трудно встретить советского человека, который так или иначе не поносил бы советские порядки и органы власти. Как оценивать этот факт? Есть люди, которые думают по этому поводу, что дни советской власти сочтены, что если бы советскому народу дать фактическую возможность свободно избрать себе власть и способ жиз-

ни, то он отверг бы советскую систему. Можно было оправдать надежды первой русской эмиграции, которая сидела на чемоданах, ожидая скорого падения советской системы. Но когда подобные надежды высказываются теперь, то их можно объяснить только патологическим непониманием фактического положения вещей или желанием подыгрывать определенным настроениям здесь, на Западе. Объяснить, но не оправдать. Пора в конце концов взглянуть правде в лицо и понять, что коммунистический строй жизни есть нечто гораздо более глубокое и стойкое, нежели обман доверчивых людей и насилие над ними со стороны неких злоумышленников. Это — вполне закономерный строй жизни многомиллионных масс населения, воспроизводящийся из поколения в поколение и вырабатывающий (отбирающий и воспитывающий) для себя подходящий тип людей. Я вовсе не хочу этим сказать, что этот строй жизни хороший, что он лучше того, как живут на Западе, что он мне нравится и т. п. Я лишь констатирую факт.

Повторяю, недовольство условиями жизни в Советском Союзе есть в самых различных слоях населения. И недовольство это довольно сильное. Но ряд вопросов возникает в связи с этим. Каково соотношение между силой этого недовольства и общим отношением людей к условиям и способам своего существования? Настолько ли эта сила велика, чтобы люди стали отвергать сами эти условия и формы своей жизни? Какие есть возможности для внешнего (заметного для окружающих и для властей) выражения недовольства, для обобщения и объединения его в более или менее широких масштабах для длительной борьбы недовольных за улучшение условий своей жизни? Является ли подавление открытых выступлений недовольных властями единственной и главной причиной отсутствия широкого общественного протеста? По каким каналам рассасывается открытое недовольство? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, относящиеся к рассматриваемой проблеме, требуется серьезное и обстоятельное социологическое исследование. Я ограничусь здесь лишь несколькими замечаниями. Чем могут быть недовольны люди в любом обществе? Бытовыми условиями, условиями работы и малыми возможностями успеха. В коммунистической системе удовлетворение желаний людей в основном зависит от общего состояния страны и сложившейся системы

распределения благ, и это люди знают с младенческих лет. Здесь нет персонифицированного виновника бедствий, и люди стремятся добиваться лучшего исключительно в рамках возможностей системы и индивидуально (или небольшими группами). Сила недовольства здесь редко достигает критических размеров, ибо люди привыкли из поколения в поколение жить на очень низком бытовом уровне. Возможности подавления попыток открытого выражения недовольства здесь огромны (административные меры на предприятиях, местная власть, милиция, органы КГБ, армия). Зарплата низкая, люди просто не имеют возможности долго быть без работы. Все средства существования в руках властей. Но дело не только в этом. Социальная структура населения такова, что она исключает объединение людей в большие группы, не дозволенные официально, на более или менее длительные сроки. Самим строем повседневной жизни и деятельности люди здесь сверху донизу приспособляются к чисто негативному объединению — к объединению с целью подавления недовольства своих собратьев, но с точки зрения положительного выражения недовольства они обрекаются на раздробленность и в лучшем случае — лишь на пассивное сопротивление (недобросовестная работа, халтура, очковтирательство, пьянство).

Подчеркиваю, чтобы понять положение недовольных в советской системе и их перспективы, надо рассматривать не некие отвлеченные факты недовольства и абсолютные величины (число недовольных чем-то), а место и роль недовольных в коллективах, к которым они прикреплены, отношение к ним их коллективов, их судьбу в случае исключения из коллективов. В стране могут быть миллионы недовольных, но они распределяются по территории страны и по различным коллективам так, что их недовольство практически парализуется. Объединение таких лиц в достаточно большие группы исключено всей организацией жизни.

Хочу обратить внимание еще на одно обстоятельство, тесно связанное с вопросом об оппозиции в коммунистическом обществе: это — характер свободы и несвободы индивидов в этом обществе. Нельзя жить в обществе и быть полностью независимым от него — это тривиально. Вместе с тем, даже рабы и крепостные обладали какими-то свободами, без которых был немыслим процесс жизни. Важно знать, в каком смысле

индивид скован в данном обществе и в каком смысле он свободен. С этой точки зрения было бы грубейшей ошибкой рассматривать коммунистическое общество как царство абсолютной несвободы или абсолютной свободы. И было бы также ошибочно рассматривать факт несвободы как злой умысел нехороших людей, а факт свободы — как проявление душевной доброты. Так, прикрепление индивидов к местам работы есть не просто умышленное ограничение свободы и насилие. Оно выражает в конце концов чисто экономическую необходимость для подавляющего большинства населения иметь средства существования именно таким путем. С другой стороны, власть коллектива над индивидом и власть руководства коллектива над подчиненными не беспредельны. Рабочий день здесь регламентирован в масштабах общества и не зависит от произвола местной власти. Так же обстоит дело с основной частью заработной платы, с отпусками, с некоторым минимумом жилья и многими другими жизненно важными явлениями. Имеется возможность менять место работы, подбирая наиболее удобное. Есть возможность без особого риска конфликтовать с начальством. Уволить человека с работы не так-то просто. Если он не очевидный уголовник и не диссидент, его защищает коллектив и общественные организации. Одним словом, обычный индивид коммунистического общества несвободен в определенном отношении в силу объективных условий существования и вместе с тем обладает всеми видами свободы, которые необходимы ему для жизни в этих условиях и делают эту жизнь мало-мальски терпимой.

Но коммунистические страны погружены в историю человечества и в более обширное мировое человеческое целое. Именно из этого исторического «контекста» (а не из некоей внеисторической природы человека) какая-то часть граждан этих стран узнает о таком продукте многовековой истории цивилизации, как гражданские свободы. Для большинства из них это знание остается явлением чисто литературным, остается пассивным элементом культуры. Подавляющее большинство граждан коммунистического общества вообще не нуждается в этих свободах по самому образу своей жизни. И именно поэтому они этих свобод не имеют. Они их не имеют, повторяю, потому что они им не нужны. Грубо говоря, эти свободы им все равно, что рыбе зонтик. Лишь

ничтожная часть населения коммунистических стран ощущает потребность в этих гражданских свободах, да и то лишь как в исторически данном культурном оформлении совершенно неадекватного этой форме социального материала.

И все же, как показывают факты, и в коммунистических обществах возможна открытая оппозиция. Здесь неуместно пускаться в абстрактные теоретические рассуждения на эту тему. Сейчас можно констатировать факт существования трех форм оппозиции такого рода, являющихся продуктом специфически коммунистического образа жизни. Исторически первой из них является антисталинизм. Зародился он еще в предвоенные годы. Углубился в годы войны. Хотя в послевоенные годы и был внешне приглушен, но все-таки дело свое делал. Но самую активную роль он сыграл в годы после смерти Сталина. Особенность этого периода состоит в том, что борьба против сталинизма велась очень широко, на уровне первичных партийных организаций. Знаменитый доклад Хрущева не был началом этой борьбы. Он был проявлением этой борьбы, ее результатом и оформлением. Сталинизм к этому времени стал выглядеть как отклонение от норм жизни советского общества. И борьба шла за соблюдение этих норм, за законность, за личную безопасность и надежность положения людей, вполне лояльных к советскому строю. И борьба эта оказалась вполне успешной, главным образом — для партийного руководства, для всякого рода чиновников и лиц, занимающих видное положение в первичных коллективах и в обществе в целом. Хотя эту борьбу начали и вели люди, ставшие жертвами режима, плодами ее воспользовались прежде всего сами хозяева общества. Они впервые за всю советскую историю почувствовали себя господами положения, причем — в безопасности. Но и все население страны от нее выиграло. Жить стало явно легче и спокойнее.

Вторая форма оппозиции — либерализм хрущевского периода. Определить эту форму в четких категориях довольно трудно, ибо само это явление по своей природе весьма неопределенно и расплывчато. В этот период во всех важных сферах жизни советского общества к активной деятельности стали пробиваться определенно-го типа люди, отличающиеся от своих предшественников и конкурентов лучшей образованностью, «большими» спо-

собностями и инициативностью, более свободной формой поведения, идеологической терпимостью. Преследуя свои личные цели (карьера, бытовые удобства, удовлетворение тщеславия), эти люди вносили известное смягчение в образ жизни страны, стремление к западноевропейским формам культуры. Они стимулировали критику коммунистической системы, сами принимали в ней активное участие. Вместе с тем они были вполне лояльны к этой системе, выступали от ее имени и в ее интересах. Они заботились лишь о том, как бы получше устроиться в рамках этой системы и самую систему сделать более удобной для их существования. Если первая (антисталинизм) форма была оппозицией крайностям коммунистического строя, то вторая (либерализм) была оппозицией провинциализму, застойности, серости его умеренного существования. И надо признать, что в этом отношении брежневский период (несмотря ни на что) является продолжением хрущевского с той лишь разницей, что либерализм был заключен в терпимые для режима рамки.

Третья форма оппозиции — диссидентское движение. Я считаю это явление самым значительным в социальной истории Советского Союза в том смысле, что оно перед всем миром с огромной силой поставило вопрос о сущности коммунистического общества и впервые в истории этого общества дало пример оппозиции к самому этому строю в целом. Это движение фактом своего существования доказало возможность такой оппозиции и ее влияния на жизнь общества в целом. Вместе с тем, оно обнаружило и ограниченность оппозиции в обществах коммунистического типа вообще. Возникло это движение в конце хрущевского периода и достигло максимальной силы в семидесятые годы. По личному составу это движение весьма разнородно: ученые, писатели, студенты, юристы, религиозные деятели, лица, желающие покинуть страну (еврейская эмиграция), и т. п. И личные мотивы, приведшие людей в это движение, разнообразны. Различны и их убеждения и цели. Однако есть все-таки основания рассматривать это движение как нечто целое. Эти основания — общность судьбы участников движения, отношение к ним официального общества и населения, тенденция к общей идеологической и организационной форме, личные связи и восприятие этого движения во внешнем мире (на Западе). Эти

основания позволяют и отличить диссидентское движение от прочих форм оппозиции.

По содержанию деятельности диссидентское движение явилось разоблачением таких фактов жизни советского общества, которые согласно официальным представлениям о нем считаются несуществующими или случайными отклонениями от нормы — разоблачением самой сущности этого общества. По форме поведения участников движения оно точно так же вышло за рамки допускаемого обычаями, традицией и порой законами советского общества. Это — публичные заявления, «самиздат», передача информации для западной прессы и западного радио, демонстрации и т. д. Известно, какой была и является реакция на это официальных властей, организаций и определенных кругов населения. Лица, так или иначе вставшие на этот путь, теряли свое социальное положение и работу. Многие заключались в тюрьмы и психиатрические лечебницы. Со многими расправлялись административными мерами. Многих вынудили к эмиграции. И надо сказать, что коллеги и сослуживцы диссидентов активно помогали властям расправляться с ними. Но репрессии в отношении диссидентов не остановили, а, наоборот, способствовали расширению, углублению и обострению этого движения. Они способствовали более тесному сближению разнородных участников движения и внесению в него некоторого элемента организованности. Движение все более отчетливо стало обретать и идеологическое единство — оно приняло единую форму борьбы за гражданские свободы, за права человека. И хотя эта форма была найдена (судя по всему) стихийно, она выразила самое существенное в этом движении, а именно — протест против подавления и закрепощения личности в коммунистическом обществе, понимаемой (личности) в духе лучших достижений западноевропейской демократии. Поскольку гражданские свободы (права человека), неразрывно связанные с этим пониманием личности, представляют собой нечто не вытекающее из самих основ коммунистического строя и даже нечто противоречащее им, то все это (диссидентское) движение представляется направленным не против отдельных недостатков этого общества, а против самих его основ.

Диссиденты использовали формальные декларации советских властей и советское формальное законодательство о гражданских свободах, так что формально это

движение возникло и существует в рамках законности. Но ни для кого не секрет, что эти декларации и «законы» (вроде подписи под Хельсинкскими документами) суть пустые слова, не соответствующие фактической природе коммунистического общества. С чисто социологической же точки зрения это движение выражает протест против фактического положения индивида в коммунистическом обществе, обусловленного фундаментальными условиями жизни этого общества. Так что если рассматривать его буквально как движение за гражданские свободы (права человека), то можно сказать, что оно заведомо обречено на провал, ибо коммунистическое общество с гражданскими свободами для личности есть такой же нонсенс, как капиталистическое общество без денег, капитала, прибыли. Но если рассматривать это движение независимо от его идеологического оформления, т. е. независимо от того, достижима его цель (права человека) фактически или нет, то следует признать его результативность и перспективность. Какие бы идеологические формы оно ни принимало, оно порождено самыми фундаментальными условиями общества, уничтожение которых равносильно уничтожению самого социального строя жизни. И пока эти условия существуют, так или иначе будет порождаться и протест против них, принявший в настоящее время форму диссидентского движения.

Вопрос об оценке значительности диссидентского движения, о силе его влияния на население страны и об отношении к нему населения является, пожалуй, наиболее сложным. Здесь любая точка зрения, по-видимому, может быть подкреплена фактами. И та, что это движение немногочисленно и слабо. И та, что оно многочисленно и сильно. И та, что влияние его на общество ничтожно. И та, что это влияние огромно. И та, что население его не поддерживает. И та, что оно пользуется поддержкой населения. Дело в том, что все оценки в данном случае относительны, нет единых и бесспорных критериев сравнения, нет надежных методов измерения, невозможно объективное исследование (власти не допустят, опрашиваемые не ответят искренне и т. п.). Так что приходится полагаться на свой личный опыт, на сведения, получаемые от других, на общее понимание ситуации в стране и характера ее населения. Потому я склоняюсь не к количественной

(в терминах «большое», «малое», «сильное», «слабое» и т. п.) оценке диссидентского движения, а к качественной. В условиях советского общества выступление одного человека может сыграть роль, сопоставимую с ролью целой политической группы или даже партии. А единодушное осуждение этого человека населением страны может не выражать того реального следа, какой оставила деятельность этого человека в их душах. Не случайно поэтому диссидентское движение в Советском Союзе персонифицировано, представлено в большей мере именами участников, чем названиями группировок. И чисто количественная оценка здесь не будет соответствовать фактическому положению.

Прежде всего, сам факт возникновения и длительного существования диссидентского движения есть явление исторической значимости. Утрачены раз и навсегда иллюзии насчет коммунистического земного рая. Стало очевидно, что будущая история коммунизма — не гармония и лобызания, а драка. Диссиденты дали образцы поведения, достойные подражания. И это подражание имеет место на самом деле. Все, что связано с диссидентством, составляет один из главных (а часто — главный) предмет разговоров и размышлений в самых различных слоях общества. И хотя бы только как явление в области духовной культуры общества оно в последнее десятилетие не имело себе равных по степени внимания. Было бы несправедливо отрицать то, что некоторые смягчения в области культуры в последние годы явились одним из следствий диссидентского движения. Даже власти благодаря диссидентам получают некоторое представление о реальном положении в стране, вынуждаются к более гибким методам руководства. Наконец, без моральной и материальной поддержки довольно значительной части населения страны диссидентство не просуществовало бы и года. Помощь со стороны Запада очевидна. Но не следует ее преувеличивать в ущерб роли внутренней базы диссидентства. Без этой внутренней базы была бы вообще невозможна и помощь Запада. Диссидентство влияет прежде всего и главным образом на умонастроения определенных кругов населения, а через них — и на более широкие массы его. Нелепо ожидать, что последствия этого влияния скажутся немедленно, в открытой форме и адекватно идеологии диссидентства. Практически пока еще невозможно проследить механизм

этого влияния и предсказать его последствия. Но в этом и нет особой надобности. Исторический опыт человечества дает нам достаточно оснований для надежды.

Таким образом, наблюдение исторического опыта Советского Союза позволяет фиксировать три основные формы оппозиции: 1) к крайностям режима; 2) к застойности и консерватизму; 3) к отсутствию гражданских свобод. Эти формы, разумеется, взаимосвязаны, влияют друг на друга, проникают друг в друга. Так, критика режима массовых репрессий в сталинские времена переросла в критику реального коммунистического общества вообще, а реакция на репрессии в отношении борцов за права человека порождает оппозицию первого типа. Но все же различие этих форм достаточно очевидно и важно во многих отношениях.

В заключение я хочу сказать то, что разделение мира на коммунизм и нечто противостоящее ему не есть явление географическое. То, что это имеет место в странах Запада, не нуждается в обосновании: коммунистические явления и тенденции на Западе очевидны. Важно то, что это разделение имеет место и в самих коммунистических странах. Последние тоже стремятся так или иначе противостоять лавине коммунизма. Мне кажется, что сами защитники и руководители коммунистической лавины, обрушившейся на человечество, не рады своим успехам и готовы как-то их поумерить. Ничего в этом удивительного нет. Коммунистическая лавина вышла из-под контроля человечества. Роль всякой внутренней оппозиции к ней в достижении хотя бы частичного контроля над ней несомненна.

Мюнхен, январь 1979 г.

ВОСТОК И ЗАПАД

(Из статьи для немецкого радио)

Я уже полгода живу на Западе. За это время я много раз встречался здесь с людьми самого различного возраста, социального положения и убеждений. И имел уже возможность убедиться в том, что здесь имеет место значительный интерес к жизни в Советском Союзе. Причем это — интерес не этнографический, не такой, какой бывает, например, у жителей цивилизованной страны к жизни дикарей на каком-нибудь острове океана или в джунглях, и не праздное любопытство, какое бывает обычно у туристов, посещающих чужую им страну, а интерес гораздо более глубокий. Это — интерес к социальному строю, который сложился в Советском Союзе после Октябрьской революции, и ко всему комплексу проблем, связанных так или иначе с ним. Назову некоторые из них.

Можно ли рассматривать сложившийся в Советском Союзе тип общества как результат насилия над народом со стороны небольшой группы заговорщиков или это есть продукт самостоятельности широких масс населения, т. е. нечто естественноисторическое?

Является ли этот строй устойчивым?

На чем он держится, раз условия жизни в нем тяжелые и население недовольно ими?

Каково отношение власти и народа, партии и народа, партии и власти?

Какую роль в создании и сохранении этого общества играла и играет марксистская идеология?

Соответствует или нет этот социальный строй идеалам марксизма?

Является или нет этот строй подлинным социализмом?

В чем различие социализма и коммунизма?

Является ли этот строй реальным коммунизмом?

Является ли советский марксизм подлинным или нет?

Что в жизни советского общества имеет чисто национальный или конкретно-исторический характер и что является общесоциалистическим или общекommунистическим?

Как обстоит дело с гражданскими свободами?

Являются ли массовые репрессии сталинских времен необходимым элементом становления этого общества? Какова их природа?

Вообще являются ли недостатки советского образа жизни преходящими или они суть закономерный продукт самих законов этого общества?

Каковы основные черты жизни общества, на основе которых вырастают прочие видимые их проявления?

Каковы достоинства этого строя и недостатки?

Можно ли удержать в условиях этого строя его достоинства и преодолеть недостатки?

Возможен ли коммунизм с человеческим лицом?

Возможен ли иной путь построения коммунизма или социализма, чем в Советском Союзе, свободный от дефектов последнего?

Как обстоит дело с либерализацией советского общества и каковы ее перспективы?

Возможно ли общество, сочетающее в себе достоинства западных демократий и советского коммунизма и свободное от недостатков тех и других?

Как коммунизм решает проблемы, назревающие в капиталистических странах (например, проблема безработицы, расовые и национальные проблемы)?

Взаимоотношения Запада и Советского Союза. Оппозиция в Советском Союзе, ее природа и перспективы. И многие другие проблемы. Я перечислил, конечно, далеко не все.

В этом интересе, впрочем, ощущается не просто академическая любознательность, а тревога. Ощущается опасение, что то же самое, что произошло и происходит в Советском Союзе, может случиться и здесь. Ощущается желание избежать этого или хотя бы избежать этого частично. Или хотя бы пережить это в более мягких формах и сохранить какие-то удобства западной жизни. Отсюда разговоры о том, что социализм

(или коммунизм) в Советском Союзе построен якобы неправильно, что на Западе его сделают гораздо лучше (как вообще все вещи делают тут лучше), что возможен третий путь, что марксизм искажен и его надо постичь в его подлинности и чистоте... Отсюда еврокоммунизм и обещания местных коммунистов в будущем, когда они захватят власть, не устраивать массовые репрессии, сохранить гражданские свободы и высокий жизненный уровень, сохранить многопартийную систему и т. д. Проблемы, как видите, серьезные. И интерес к ним тревожный. И хотя на эти темы написаны и высказаны океаны слов, интерес этот остается, судя по всему, неудовлетворенным. Это и понятно, ибо угроза такого нового общества, какое есть в Советском Союзе, становится все осязаемее. Она, можно сказать, уже у порога дома западного обывателя и стучится в его дверь. Более того, замечу от себя, она уже во многом проникла в его дом.

Я многократно высказывал свои суждения по упомянутым проблемам и другим проблемам того же рода. Конечно, я делал это отрывочно, с вариациями, в связи с какими-то другими темами, в порядке импровизации. Я и сейчас не претендую на полноту и систематичность. Более того, я даже думаю, что стройная и полная концепция, дающая некое безусловное решение таких проблем, произвела бы сейчас впечатление предвзятой и мертвой схемы. А люди, как мне кажется, устали от таких схем. Но все же у меня есть некоторые общие методологические установки, которых я всегда придерживаюсь и в справедливости которых я убедился в результате многолетних размышлений.

Чтобы разобраться в проблемах такого рода, о которых я упоминал, и получить достаточно достоверные выводы, позволяющие ориентироваться в сложной действительности и осуществлять более или менее надежные прогнозы, надо соблюдать определенные принципы познания. Изложить их — долгая и не такая уж простая наука. Я лишь поясню сейчас кратко, что я имею в виду.

Если мы хотим на самом деле понять, а не просто будоражить человечество и не самоутверждаться в качестве пророков и вождей, диктующих пути человечеству, мы должны исходить из данной реальности, а не из идей прекраснодушных мечтателей, желающих осчастли-

вить страждущих, не из обещаний демагогов и пропаганды, не из партийных программ, не из неких моделей или образцов будущего общества. Всякого рода проекты и модели будущего, программы и обещания играют роль в жизни людей, но роль, абсолютно ничего общего не имеющую с интересами понимания реальной жизни, ее объективных законов и тенденций. И это, я думаю, теперь должно быть ясно довольно большому числу людей. Например, если коммунистическая партия некоей демократической страны Запада обещает после захвата ею власти сохранить в стране положительные качества западных демократий (в том числе — гражданские свободы и высокий уровень жизни) и избежать отрицательных качеств коммунистического (социалистического) строя жизни, имевших и имеющих место в Советском Союзе и странах просоветского блока, то только при условии полного отсутствия здравого смысла, вопиющего невежества в социологии и полного пренебрежения к фактам истории можно рассматривать это обещание как вклад в понимание общественных явлений.

Всем известно, например, что идея общества, в котором исчезнут социальные контрасты между людьми, является фундаментальной идеей марксизма и многими почитается за истину. Но как теоретически, так и практически эта идея абсурдна. Такое общество недостижимо даже на кладбище: одних хоронят в мавзолеях, других — в Кремлевской стене, третьих — на Новодевичьем кладбище, четвертых — в Донском монастыре, пятых — на Востряковском кладбище, шестых — в десятках километров от Москвы. А сколько людей похоронено так, что и могил не сыщешь. Так что уж говорить о реальной жизни. Коммунизм не уничтожает и не может в принципе уничтожить социальных различий людей. Он меняет лишь формы их, доводя социальные контрасты до чудовищных размеров, по крайней мере не уступающих таковым на Западе. Опыт истории убедительно говорит о том, что когда люди начинают воплощать в жизнь прекрасные проекты и идеальные образцы, то из их самых благих намерений рождаются самые гнусные мерзости.

Но из реальности можно исходить по-разному. Жизнь общества сложна и многообразна. И факты можно всякие наблюдать. Для любой предвзятой идеи можно насобирать подходящие факты. Любые наблюдаемые

факты можно истолковать в любом подходящем духе. Зашли, например, иностранные туристы и журналисты в церковь в Москве, увидели молодежь, увидели, как детей крестят, как молодая пара венчается. И готова концепция религиозного подъема, возрождения в России. И найдутся десятки людей, которые жалаемое будут выдавать за действительное и подтверждать эту концепцию. В Советском Союзе трудно найти человека, который не критиковал бы советские порядки и не выражал бы своего недовольства. Уж, кажется, что может быть более убедительнее для концепции, согласно которой советская власть не имеет опоры в народе и держится лишь на штыках (где, между прочим, они штыки видали?!). В Советском Союзе никто не верит в марксизм. И опять-таки готова концепция, согласно которой советское общество, скрепляемое марксистской идеологией, распадается. А общество между тем не распадается. И власть, густою сетью пронизывающая все общество, держится прочно. И «народ» даже не помышляет не только о ее свержении, но даже о ее изменении. И на идею «религиозного возрождения» власти смотрят с насмешкой, прекрасно уживаясь с православной церковью. И неверие в марксизм ничуть не ослабляет его, ибо марксизм тут есть идеология, а в идеологию не верят, ее принимают. И даже диссидентское движение нисколько не сотрясает основ общества, ибо это общество организуется и существует в соответствии с естественноисторическими законами, воспроизводит человеческий материал, адекватный ему, а этот человеческий материал естественным ходом своей жизни воспроизводит эту социальную систему.

Короче говоря, факты сами по себе еще никаких проблем не решают. Факты еще надо осмыслить. И осмыслить по определенным правилам. Мы живем в конце двадцатого века, века высочайшего развития науки. Теперь на дилетантских суждениях и пророческой болтовне далеко не уйдешь. Надо факты изучать, причем на уровне интеллектуальной культуры нашего времени. Надо еще суметь наблюдаемые факты использовать в интересах понимания самих этих фактов. Я в своих книгах предпринял попытку на популярном (по возможности) уровне и в несколько необычной литературной форме сориентировать внимание людей, думающих о нашей жизни, именно в этом направлении. Не мне судить,

насколько успешной является эта попытка. Я говорю здесь об этом лишь на уровне общей идеи.

Я изучал советское общество, которое я рассматриваю как классический образец коммунистического общества, в упомянутом направлении в течение многих лет. И я убедился в том, что положение с этим обществом в мире гораздо серьезнее, чем это принято думать. Представления об этом обществе как в среде его апологетов, так и в среде его критиков, как в Советском Союзе, так и на Западе в подавляющем большинстве случаев поверхностны, примитивны и часто просто смехотворны. Когда я в своих выступлениях и книгах говорил и писал, например, что это общество монолитно, что партия и народ тут едины, что этот строй сложился как результат самодеятельности многомиллионных масс населения, что массовые репрессии в сталинские времена были делом этих самых масс населения, что насилие коллектива над индивидами здесь лишь обратная сторона защиты этих индивидов коллективом, что марксизм прекрасно служит этому обществу именно в таком состоянии, то многие это воспринимали как странности, как нарочитые парадоксы и даже как защиту советского строя жизни. А между тем можно показать, что это — лишь самые невинные явления жизни коммунистического общества, что реальность куда парадоксальнее и страшнее. От таких явлений можно отмахнуться сейчас, отнеся их в область литературных шуток. Но они так или иначе будут о себе заявлять, ибо они суть проявления более глубокой сути дела. И главное сейчас не в том, чтобы изобрести некий идеальный образец будущего общества, свободного от недостатков общества советского типа и от недостатков обществ западного типа, а в понимании коммунистической реальности и ее объективных тенденций, в сопротивлении ей всеми доступными силами и средствами.

С этой точки зрения я расцениваю возникновение диссидентского движения в Советском Союзе как самое значительное явление в его социальной истории, как явление неизмеримо более важное, чем космические полеты и освоение атомной энергии. Я не строю никаких иллюзий насчет человеческого состава, интеллектуального уровня и целей этого движения. Но все это несущественно. Главное — сам факт его существования, убедивший людей в возможности сопротивления коммунистическому режиму изнутри.

Несмотря на то, что здесь, на Западе, проявляют живой интерес к реальному коммунизму (к практике коммунизма) в СССР, все же в общем и целом, как мне кажется, Запад относится довольно беззаботно к реальному наступлению коммунизма. Слово «беззаботно» здесь может быть не совсем уместно, ибо оно относится к области психологии, тогда как я имею в виду социологический аспект дела. Поясню конкретно, что именно я имею в виду.

Население стран Запада (да и то не все) беспокоит лишь военная угроза со стороны Советского Союза. Но эта угроза далеко не самая страшная. Гораздо серьезнее сам факт существования коммунистических стран и их мирное проникновение в страны Запада, а также факт существования коммунистических социальных явлений в самих странах Запада и их рост. Можно возразить, что это проникновение взаимное и что в коммунистических странах имеют место антикоммунистические явления, например — в виде религиозных движений, диссидентства. Это верно, но с одним различием. Влияние стран Запада на коммунистические страны и обратное влияние коммунистических стран на страны Запада — явления разнопорядковые. Первое совершенно не затрагивает основ коммунистического образа жизни, тогда как второе подрывает основы западной демократии и вообще всего строя жизни Запада. Например, плодами западной культуры и общения с Западом в Советском Союзе пользуются прежде всего представители привилегированных и зажиточных слоев населения, что способствует свойственной коммунизму тенденции к расслоению общества на привилегированные и низшие слои, к социальному неравенству. Экспортируемые же на Запад из Советского Союза образцы поведения политиков, чиновников, деятелей культуры, рядовых людей низводят аналогичные формы поведения на Западе до уровня коммунистических образцов. Коммунистические страны навязывают миру свою общественную психологию, свой интеллектуальный уровень, свой уровень организации, свой стиль дела, постепенно и незаметно занижая или, в лучшем случае, сдерживая общий рост цивилизации Запада. Я уж не говорю об огромной армии шпионов, засылаемых на Запад и имеющих здесь великолепные возможности для своей активности, и пятую колонну, которая со временем может сыграть роковую роль для Запада.

Против обычной армии Запад все-таки имеет свои армии, против современного оружия — имеет свое не менее мощное. Но против мирной армии всякого рода людей из коммунистических стран и их местных помощников Запад пока не имеет адекватной силы и не имеет даже эффективных средств самозащиты.

Возьмем деловые и культурные контакты Запада и Советского Союза. Вещь, безусловно, полезная. Но кому и как? Кто вступает в эти контакты главным образом? С одной стороны, частные лица (бизнесмены, деятели культуры), а с другой — представители властей и господствующих слоев населения Советского Союза. Партнеры явно неравноправные с точки зрения их социального положения и роли в своих странах. И никто еще толком не проанализировал реальные глубокие последствия этих контактов.

Не счесть случаев, когда деятели культуры Запада общаются как с коллегами (временами буквально лобызаются) с бывшими сталинскими палачами, с советскими партийными и государственными чиновниками, командующими культурой, с сотрудниками КГБ, являющимися на Запад под видом ученых (причем известно, кто эти люди, я сам неоднократно слышал признания на этот счет!), с людьми, профессией которых является разложение западного общества, его морали и сознания. Я не хочу, чтобы мои эти слова истолковали как призыв к «холодной войне». Я хочу одного: люди должны знать правду о коммунизме и реальной ситуации с ним в мире, а не обрывочки ее, на которые теперь не реагируют даже махровые сталинисты.

Я выше упомянул о явлениях коммунизма в жизни стран Запада. Это очень существенно. Не случайно, между прочим, мои книги здесь на Западе очень многими были восприняты как актуальные именно для Запада. Многие мне лично говорили, что описанное мною имеет место и здесь. Для меня в этом ничего удивительного нет. Дело в том, что я различаю коммунистические социальные отношения, которые встречаются в обществах самого различного типа, и коммунистический тип общества, в котором эти отношения становятся господствующими. Чтобы это случилось, т. е. чтобы возникло такое общество, нужны определенные условия. Они общеизвестны: ликвидация частной собственности на средства производства и как неизбеж-

ное следствие этого — ликвидация гражданских свобод, «однопартийная» (а точнее — беспартийная) система власти, контроль за всеми сферами жизни общества, принудительный труд, прикрепление индивидов к местам жительства и работы, насилие коллектива над индивидом и т. п. Существование коммунистических отношений и форм поведения на Западе можно заметить невооруженным глазом. Это — все случаи, когда взаимодействуют массы людей, и когда устранены или приглушены обстоятельства, связанные с отношениями собственности, конкуренцией и другими явлениями капитализма. Но на Западе такие отношения погружены в систему отношений иного рода и не проявляют себя в полную силу, как это имеет место, например, в СССР. Я уж не говорю о том, что коммунистические партии являют собою организации, вполне сопоставимые с советскими организациями с точки зрения их внутренних отношений.

И все же я не впадаю в тот мрачный пессимизм, в котором меня обычно обвиняют. Я кое-что успел повидать в Советском Союзе с точки зрения перспектив сопротивления. И кое-что здесь заметил. Факт несомненный: сейчас происходит большой переворот в умонастроениях людей. И отнюдь не в пользу коммунизма. Это имеет силу прежде всего в отношении молодежи. Я довольно часто сталкиваюсь здесь с молодежью. Я не знаю общей картины. Но то, что я увидел, мне нравится. Я уверен, что молодежь будет активно сопротивляться тому, что надвигается на мир. Я думаю, что такое сопротивление в интересах и народов Советского Союза. Подчеркиваю, тут речь идет не просто о сопротивлении каким-то акциям властей, а о гораздо более глубоком сопротивлении: о сопротивлении людей как личностей продуктам их совокупной коллективной деятельности, причем как в странах советского блока, так и в странах Запада. Так что граница «Востока» и «Запада» есть не столько географическая, сколько социальная. Коммунистическое движение сейчас переживает глубокий кризис, причем кризис особого рода: кризис УСПЕХА. В этом движении обнаружилось нечто такое, чего испугались и не хотят сами активные деятели и участники его. Оно вышло из-под их собственного контроля и не имеет в себе никаких внутренних сдерживающих начал и ограничителей. И ввести его в некие

разумные и терпимые рамки можно теперь только усилиями многих миллионов людей, занимающих самые различные позиции в обществе, а не усилиями прекрасных одиночек.

Мюнхен, январь 1979 г.

ИГРА В ИСТОРИЮ

(Статья в «Le Monde» 18.5.1979)

Давно уже стало прописной истиной, что современный мир есть единое целое, что все значительные события, происходящие в одной его части, отражаются в других частях, что при решении всех серьезных проблем надо учитывать взаимоотношения и интересы различных элементов мировой системы. Но одно дело — давать такие мудрые советы и другое дело — следовать им. Фактически люди ведут себя чаще всего так, будто никакого мирового единого целого не существует, и игнорируют, казалось бы, очевидные последствия своего поведения не только для других, но и для самих себя. И вряд ли можно причину этого усматривать в непонимании упомянутой выше банальной истины. Поведение людей и их объединений на арене истории определяется не тем, насколько хорошо они познали эту арену, а тем, что они хотят, или к чему их вынуждают, вытворять на этой арене. И потому в размышлениях на тему о взаимоотношениях между странами, блоками и социальными системами в мире в целом или в его отдельных больших частях (например, в Европе) более здоровой является не моралистическая постановка проблемы «Что нужно для того, чтобы было лучше (т. е. чтобы и овцы были целы, и волки сыты)?», а беспристрастно научная — «Что происходит и будет происходить, несмотря ни на что, несмотря на прекраснодушные пожелания одних (главным образом, волков) и злые козни других (главным образом, овец)?»

Отдавая предпочтение научной постановке проблемы, я вовсе не склонен тем самым преувеличивать роль

научного познания той каши, которая сейчас варится в мире, для процесса варки самой этой каши. Роль науки я в данном случае скорее вижу в том, что весьма немногочисленные умники получают (если, конечно, уцелеют) удовлетворение от того, что после осуществления нежелательных для человечества событий, о которых они предупреждают, смогут заявить: а что мы вам говорили?! И все же я хочу высказаться в духе науки. Но не с намерением умножить число упомянутых выше умников — я ничего не буду предрекать. И не с намерением лишний раз напомнить людям о тщетности их усилий — этим их все равно не остановишь. А хотя бы потому, что в наш век удручающего расцвета науки даже проблемы роли научного понимания в ситуациях, когда люди не могут воспользоваться научным пониманием этих ситуаций, должны решаться научно.

Преимущества научного подхода неоспоримы. Посудите сами! В мире, например, вследствие активной деятельности одних людей страдают миллионы других. Если не стоять на позициях науки, надо за них переживать, проявлять возмущение и даже совершать какие-то действия в пользу несчастных. Ничего подобного не требуется, если вы взглянете на все это с научной точки зрения. В этом случае вы можете сложившуюся в мире ситуацию рассматривать как своеобразную игру, т. е. в духе одного из перспективных направлений науки. И при этом будете чувствовать себя на голову выше остальной части человечества. И что самое поразительное в этом — вы будете, к сожалению, правы.

Конечно, не все происходящее в мире есть игра. И не всегда идет игра. Не всякие отношения людей и стран можно подвести под понятие игры. Но игровой аспект в происходящем есть, это — несомненный факт. И роль его велика. Во всяком случае, отношения стран советского блока («Востока») и стран Запада в настоящее время являют собой классический образец игровой ситуации в обоих смыслах: как в смысле грандиозного спектакля (всякого рода политические деятели ведут себя как актеры на сцене, показательный элемент в политических акциях становится все более диминирующим), так и в смысле стремления перехитрить партнеров.

Что нужно, чтобы сложилась игровая ситуация?

Некоторая автономность партнеров, возможность волевых действий, относительная свобода выбора действий, возможность совершать ответные действия на действия партнеров, интеллектуальный расчет, стремление переиграть партнеров-противников, наличие некоторых правил, в рамках которых происходит обмен действиями. И такие условия во взаимоотношениях стран и целых систем стран сейчас явно имеются и фактически реализуются в их поведении. Здесь неуместно выяснять, откуда исходит инициатива в создании такой игровой ситуации и кому принадлежит более активная роль. Но то, что страны советского блока по своей социальной природе склонны к играм мирового масштаба, вынуждая своих западных партнеров к аналогичной форме поведения (без подобия партнеров игра немыслима), это теперь очевидный факт. Единое, преемственное и уверенное в себе (устойчивое) руководство здесь имеет возможность распоряжаться всей страной как послушным телом. Огромный чиновничий аппарат имеет привычную и разработанную в деталях систему поведения во всех случаях как внутренней жизни страны, так и ее внешних действиях. Руководство страной превратило всю страну в подмошки для своих начальственных представлений и стремится расширить их на всю планету. Очень многое в его деятельности диктуется интересами игры (в смысле спектакля) как таковой. В частности, бесконечные встречи, визиты, переговоры, речи нужны не столько для решения каких-то стоящих за ними задач, сколько для самих их участников. И нужно все это как определенное времяпровождение, как образ жизни, как средство самоутверждения, карьеры, стяжательства и развлечения. Эти спектакли сами становятся своей собственной целью, лишь отчасти и иногда будучи средством достижения каких-то других целей.

Но этот театральный аспект все же есть явление второстепенное сравнительно с игрой во втором смысле (в дальнейшем я буду говорить только о нем). Хочу обратить внимание на некоторые важные особенности происходящей мировой игры с этой точки зрения. Хотя по закону сообщающихся социальных систем партнеры в этой игре стремятся уподобиться друг другу, они все равно остаются неравноценными. Уподобление с одной стороны (для одного партнера) является чисто внешним и не затрагивающим основ социального строя

страны, а с другой стороны (или другого партнера) — глубоким и подрывающим сами основы всего строя жизни. Правила игры разделяются на две группы: формальные (они открыты, официально признаны) и неформальные (они скрыты, официально отвергаются). Первые являются общими для обоих партнеров. Вторые же могут быть различными у разных партнеров. В происходящей игре одни из участников тяготеют к первым правилам, а другие ко вторым. Делая вид, будто они чтут открытые официальные правила, эти другие ведут игру главным образом по своим скрытым правилам (шпионаж, пятая колонна, шантаж, дезинформация, надувательство и т. д.). Это — странная игра. Она ведется с участием шулеров, но по формальным правилам, запрещающим разоблачать этих шулеров и бить их по морде подсвечниками. Для одних из участников само решение принять участие в игре равносильно проигрышу, ибо в такого типа играх все преимущества принадлежат шулерам. Для них только неучастие в игре (т. е. выход из игровой ситуации или разрушение последней) дает некоторый шанс хотя бы остаться при своих. Эта игра, являясь по существу вымогательством и грабежом, лишь принимает форму выигрыша в «честном» поединке. И тот, кого грабят, сам охотно принимает для себя эту форму «честного» проигрыша, дабы сохранить никому уже не нужное чувство собственного достоинства.

Могут ли участники рассматриваемой игры руководствоваться научным предвидением? Положительный ответ на этот вопрос кажется естественным. Чтобы такие могучие державы при таком уровне науки, при таком большом числе ученых, да без науки?! А между тем фактическое положение таково. То, что можно предвидеть научно точно, является банальным и бесполезным. А то, что небанально и практически важно, в большинстве случаев научно точно предвидеть принципиально невозможно в силу сложности и изменчивости общественной жизни, наличия взаимоисключающих и взаимоимодифицирующих тенденций и соотношений, аналогичных соотношению неопределенностей в физике. Научно точно можно предвидеть только необходимое, тогда как активность людей лежит главным образом в сфере лишь возможного. Предсказание же возможного можно лишь с некоторой степенью вероятности, что хорошо для повторяющихся событий, но не всегда годится для индивидуального, не-

повторимого хода истории. Вероятность возможных событий в таких случаях вычислить трудно. К тому же имеющиеся критерии для этого ненадежны. Наука сама есть социальное явление, а не чистая истина. В науке врут не реже, чем вне ее. Прибавьте к этому громоздкий аппарат науки и власти, дефицит времени, стремление избежать ответственности и уклониться от риска, стремление извлечь для себя пользу сегодня, не думая о завтра. Наконец, здесь практически действует известный парадокс научного предвидения: если бы можно было точно предвидеть, что произойдет, то можно бы было принять меры и помешать этому, делая тем самым точное предвидение невозможным.

Конечно, и в социальной игре партнеры стремятся что-то познавать и предвидеть поведение друг друга. Но это — не научное, а игровое предвидение. Это — квазипредвидение, ибо оно не обладает свойством истинности. Партнеры предпринимают действия, которые им представляются более выгодными для них. И успех или неуспех этих действий создает иллюзию подтверждения или опровержения соответствующих решений в качестве суждений научного мышления. Конечно, и в социальной игре партнеры получают информацию и учитывают ее. Но определяющей силой их поведения с точки зрения интеллектуальной является особая форма общественного сознания — установка. Это особенно отчетливо видно на примере Советского Союза. В отношении стран Запада это не столь очевидно, поскольку здесь еще действуют традиционные политические формы поведения. Установка же не есть явление политическое, хотя она и может включать в себя элементы политики.

Насчет догматичности, твердолобости, негибкости советской политики говорилось много. Но при этом совершенно упускалась из виду суть этого явления, а именно — лежащая в основе его Установка. Последняя не есть проявление некоей глупости или результат влияния некоей косной идеологии. Она есть естественная и весьма эффективная, как показывает опыт истории, форма поведения общества коммунистического типа в лице его руководства. Вот некоторые свойства этого (пока еще плохо изученного) социального феномена. Она есть компенсация невозможности точного предвидения событий общественной жизни в важных и нетривиальных случаях. Она вполне адекватна громоздкому аппарату управления

обществом и положению его носителей в обществе — она в высшей степени удобна для последних. Однажды сложившись, она затем действует как априорная по отношению к происходящим и предполагаемым событиям. Система с такой установкой ведет себя так, как будто бы ей заранее известно абсолютно все, что может произойти, и как будто все происходит в соответствии с ее установкой. Такая установка устойчива, практически постоянна. Изменить ее практически невозможно. Когда кажется, что руководство учитывает изменившиеся обстоятельства и меняет установку, то на самом деле оно лишь ищет способа проведения неизменной установки в данных условиях. Установка проводится в жизнь неуклонно и неукоснительно, и как в малых, так и в больших делах. С такой установкой можно играть даже с завязанными глазами, будучи уверенным в успехе игры. Потому, например, возможны такие действия властей, которые кажутся совершенно нелепыми, если их рассматривать сами по себе, но которые вполне разумны с точки зрения правил игры «вслепую». Потому наивным является мнение, будто стоит на советское руководство как следует надавить, как оно «исправится». На самом деле советское руководство само бессильно перед Установкой, которую оно лишь олицетворяет и хранит в данный момент. Люди отбираются в руководство по таким принципам, что они оказываются неспособными и незаинтересованными в перемене Установки. Они могут удержаться у руководства, только служа Установке. Они сами ее рабы.

Установка, о которой идет речь, есть совокупность принципов поведения лиц, представляющих интересы Государства (Страны) во всех возможных ситуациях. Часть этих принципов формулируется в такой фразеологии, что требуется особая подготовка, чтобы понимать их суть. Часть формулируется в виде секретных инструкций. Часть не формулируется совсем. Но лица, воплощающие Установку, знакомятся с ними в практике своей деятельности или сами открывают их для себя, как нечто вполне естественное. Часть этих принципов даже вообще не осознается. И если приписать их данному обществу открыто, то его официальные представители общества будут категорически отрицать это. Вот некоторые из практически действующих принципов Установки: расширяться по всем возможным направлениям; проникать

повсюду, в любые организации, страны, части света; иметь своих людей повсюду; мутить и путать; стравливать; «темные» дела делать чужими руками; создавать перевес сил; запугивать; шантажировать; обещать; лгать; соглашаясь, делать по-своему; вовлекать в свою игру всех; всеми путями расширять «пятую колонну»; тянуть открытия и изобретения; разыгрывать грандиозные спектакли с целью обмана и мистификации. Короче говоря, тут идут в ход все средства, изобретенные историей для борьбы не на живот, а на смерть. Причем в проведении таких принципов в жизнь Установка требует быть педантичным и терпеливым. Огромная масса людей проводит эти принципы в жизнь, имея в своем распоряжении всю мощь государства. Причем для этих людей никаких проблем личного порядка в связи с этим не появляется, ибо каждый из них по отдельности живет обычной жизнью и выполняет обычные функции. Рассматриваемые принципы проводятся в жизнь как производный результат их обычной жизнедеятельности.

Преимущества установочной формы поведения в игровой ситуации сказываются и в том, что даже вынужденные поступки система затем обращает в свою пользу. Классический пример на этот счет — еврейская и диссидентская эмиграция из Советского Союза. Будучи вынужденной уступкой в начале данного акта игры, она затем стала служить системе в качестве средства решения множества других ее проблем и приобрела видимость заранее спланированной акции. Эта видимость тоже не случайна. Во всех действиях такого рода постфактум происходит своеобразное переосмысление их в духе Установки и придание им формы действий в соответствии с планом и точным предвидением последствий. В таком духе было переосмыслено самое грандиозное событие в жизни системы — сам процесс ее становления. Здесь все серьезные действия системы обретают форму элемента грандиозного дьявольского расчета, если даже в них не вложено ни крупинки интеллекта, если даже они неожиданны для нее самой. Здесь даже неудачи и поражения переосмысляются затем как разумные шаги в какой-то победе, пришедшей из других источников.

И если уж говорить о какой-то пользе науки в решении проблем взаимоотношения стран и блоков в современном мире, то она должна сказаться прежде всего в понимании такого рода Установки, понимании «пси-

хологии» ее носителя, т. е. в понимании сущности такого типа общества, участвующего в мировой игре. Понять, с кем приходится иметь дело в этой игре, и не строить относительно такого партнера никаких иллюзий — это само по себе не так уж мало. По крайней мере будешь знать, что являешься жертвой не столько своей собственной глупости, сколько тупой последовательности и настойчивости некоей бесчеловечной Установки, проводимой в жизнь еще большими глупцами, чем ты сам.

Мюнхен, 11 февраля 1979 г.

ПОЧЕМУ СОВЕТСКОЕ ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕ ИМЕЕТ ПОЗИТИВНОЙ ПРОГРАММЫ

(Статья для радиостанции «Немецкая Волна»)

Довольно часто приходится слышать вопрос: почему советские диссиденты, в отличие от диссидентов восточно-европейских стран советского блока, не имеют позитивной программы переустройства общества? Насчет диссидентов восточно-европейских стран ответ мне кажется тривиально простым. Коммунистический строй в этих странах сложился не в силу внутренней эволюции, а навязан силой извне. Эти страны ближе к Западу не только географически, но и по образу жизни, культуре и общественной психологии. У них еще есть некоторые надежды вернуться в лоно западной цивилизации. Положительные проекты преобразований общества, выдвигаемые там, имеют целью если не целиком приобщить свои страны к Западу, то хотя бы удержаться на полдороге к нему и не скатиться целиком и полностью в то житейское болото, какое установилось в Советском Союзе. Сложнее обстоит дело с рассматриваемым вопросом в отношении советских диссидентов безотносительно к их восточно-европейским собратьям.

Диссидентское движение в Советском Союзе разнородно по социальному составу, по мотивам и целям, по формам поведения и судьбе его участников. Общим для них является следующее: 1) протест против явлений жизни, которые им кажутся несправедливыми в отношении лично их самих или других людей; 2) протест открытый в смысле отношений с властями и своим непосредственным окружением; 3) стремление к широкой гласности как внутри страны, так и вне ее; 4) установление личных связей друг с другом, первичные формы объеди-

нения и организации; 5) стремление держаться в рамках законности; тенденция к нелегальной деятельности выражена пока слабо и имеет целью главным образом вполне законные сбор информации и гласность; 6) преследования со стороны властей. Пока главное в диссидентском движении — сам факт его возникновения, его длительное существование и преемственность, несмотря на систематические преследования и погромы, завоевание симпатий в более широких кругах населения, создание образцов оппозиционного поведения для окружающих (особенно — для молодежи). В силу условий существования выработались некоторые общие лозунги диссидентского движения, которые было бы преувеличением обозначать словом «программа». Суть этих лозунгов сводится к следующему. Власти должны соблюдать букву советского закона, выполнять обязательства, взятые ими самими на себя, прекратить преследование инакомыслящих и тех, кто на деле хочет использовать декларируемые гражданские свободы. Если в данном случае и употреблять слово «программа» в некотором аморфном смысле, то здесь имеет место программа негативная. Позитивной же программы (программы в собственном, узком значении слова), т. е. программы преобразований советского общества, благодаря которым в качестве одного из следствий реализовались бы желания и лозунги диссидентов, диссидентское движение не имеет.

Должен с самого начала оговориться, что в Советском Союзе есть немало людей, которые имеют какие-то проекты общественных преобразований. Такие люди встречаются (по крайней мере — встречались несколько лет назад) в кругах, близких к партийному руководству. Встречаются они и среди диссидентов. Среди них есть такие, которые считают, что надо землю отдать во владение или даже в собственность крестьянам, ввести заводское самоуправление и вообще вернуться к «Февралю». Ходили слухи, будто были даже сторонники возвращения к монархии. Но я лично таких чудаков не встречал даже среди сторонников преобразования России путем возрождения православия. Но это все — личные проекты, а не программы, за исполнение которых сознательно берется то или иное общественное движение, группа людей — единомышленников, организация.

Такое отсутствие позитивной программы в нынешнем диссидентском движении нельзя считать случайным или

преходящим явлением. Оно отражает объективное положение в стране, и прежде всего — свойства сложившейся в ней социальной системы и человеческого материала, производимого ею и сохраняющего ее, т. е. вещественного носителя этой системы. А объективные законы этой системы и свойства ее носителя таковы, что даже могучий партийно-государственный аппарат страны бессилён преодолеть их косность. Какие, например, прекрасные решения принимались насчет подъема сельского хозяйства, повышения производительности труда, улучшения качества продукции, сокращения пьянства, укрепления дисциплины труда, ликвидации взяточничества! И не следует думать, что они лицемерны. А какие грандиозные меры принимались, чтобы все это воплотить в жизнь! И что же? Результаты общеизвестны. Общество — не рота солдат. Его не поставишь по стойке смирно, ему не скажешь, куда и как идти. Командовать то можно, да оно вряд ли пойдет так, как ему прикажут. Жизнь общества не есть одно ограниченное во времени действие. Это — жизнь миллионов людей в ряде поколений, совершающих миллиарды разнообразных действий. И решающая часть этих действий совершается по законам, неподконтрольным никаким партийным и государственным организациям. И тем более неподконтрольным незначительной кучке инакомыслящих, именуемых диссидентами.

Подчеркиваю, положение людей в стране зависит прежде всего от сложившейся в ней системы социальных отношений и социальных свойств ее носителя (т. е. основной многомиллионной массы населения), а не от зловредных козней властей. Власть здесь есть необходимый элемент системы, вполне адекватный ей. Сама власть при всем желании не может выскочить за рамки возможностей своей системы и ее носителя, обрекаясь на реформаторскую деятельность, которая позволяет делать лишь ничтожные сдвиги, отдаленно напоминающие социальный прогресс. Существующий в стране строй жизни есть продукт не только (и не столько) насилия, страха и обмана. Он в гораздо большей мере есть продукт естественной жизнедеятельности всей массы населения. Иное дело, такое положение устраивает большинство лиц, участвующих в системе власти и занимающих привилегированное положение в обществе. Но это положение не есть результат их злого умысла, оно

само навязано им неподвластными им законами их бытия.

В общей форме можно строить любые прекрасные рассуждения насчет преобразований общества и возможностей их осуществления. Но есть реальность, с которой должен считаться всякий здравомыслящий человек, намеревающийся усовершенствовать эту реальность. Вполне реальным и разумным, например, кажется требование сократить расходы на вооружение, увеличить расходы на сельское хозяйство и легкую промышленность, усилить жилищное строительство, ослабить паспортную систему, передать землю в частное пользование крестьянам, ввести на заводах и фабриках рабочее самоуправление. Но попробуйте провести такие преобразования в жизнь, обратитесь с ними к населению! Если даже допустить, что вас не будут преследовать власти, в стране вряд ли найдется хотя бы с десятков первичных коллективов, которые примут такого рода предложения. Даже в вопросах улучшения бытовых условий трудящиеся будут на стороне властей, ибо они понимают, что жизненный уровень зависит не от постановлений и программ, а от всего строя жизни страны, и прежде всего — от организации и производительности труда. Или, например, пусть будет принято решение, облегчающее поездки за границу и эмиграцию до такой степени, что формально отпадут всякие ограничения. Но жизнь в соответствии с этим решением надо еще организовать. А это — определенный государственный аппарат. Это — блат, связи, взятки, произвол чиновников, волокита. Плюс к тому — валютные дела. И куда эмигрировать? Не всякая страна принимает советских эмигрантов с распростертыми объятиями. Положение может быть и изменится, но не столь радикально и не в ту сторону, как хотелось бы диссидентам. Улучшениями воспользуются прежде всего лица из привилегированных слоев и жулики, а они и без улучшений не так уж плохо устроены. Или возьмите проблему выборов в Верховный Совет. В Советском Союзе даже младенцам ясно, что если на одно место будут выдвигать по десять кандидатов, структура реальной власти в стране несколько не изменится, ибо любые выборы тут фиктивны. Потому недавнее намерение некоторых советских диссидентов принять участие в выборах со своим кандидатом было даже в диссидентских кругах воспринято скорее комически.

Короче говоря, все те позитивные преобразования,

которые могут предложить диссиденты, либо не будут приняты самим населением, либо будут приняты не теми лицами и не так, как хотелось бы, либо будут вполне отвечать намерениям самого партийно-государственного аппарата. Последний же инициативу реформаторской деятельности никогда и никому не уступит.

Вот еще пример, иллюстрирующий суть дела. Можно ли так реорганизовать органы правосудия и карательные органы в Советском Союзе, чтобы люди не подвергались несправедливым преследованиям за свои убеждения? Опять-таки всякому советскому человеку прекрасно известно, что характер деятельности упомянутых органов зависит не от их внутренней организации и их формального статуса, а от общей ситуации в стране и от установок высшего партийно-государственного руководства. И есть только одно средство «реорганизации» этих органов, зависящее от населения страны: способность как-то сопротивляться этой системе, в том числе — предавать широкой гласности факты репрессий, организовывать более или менее широкое возмущение, стойко вести себя в суде и в заключении. Этот пример характерен. Советское общество по самой своей природе таково, что единственно эффективным средством позитивных преобразований, исходящих снизу (а не со стороны руководства), являются средства чисто негативные, т. е. те или иные формы сопротивления режиму.

Вопрос о свержении существующего социального строя перед диссидентами вообще не встает. Тот, кто достаточно хорошо знаком с реальной жизнью советского общества, понимает, что свергнуть существующий в нем социальный строй внутренними силами невозможно. Таких сил просто нет, а возможности у защитников этого строя громить попытки его ослабления практически ничем не ограничены. Да и что это значит — свергнуть данный (коммунистический, социалистический) социальный строй? Восстановить частную инициативу и частную собственность на землю, фабрики, заводы? На это население страны не пойдет ни в коем случае, ибо с этой точки зрения данный строй жизни его вполне устраивает. А тот факт, что все серьезные дефекты нынешней жизни страны и недавнего прошлого обусловлены самим этим строем, представляет актуальный интерес лишь для мыслителей, а не для практически живущих людей. Все промежуточные между коммунистической и западной системой формы

организации общества возможны лишь на время, в частностях, локально или для видимости, но не в стране в целом, не на достаточно долгий срок и не всерьез.

Всякая серьезная программа общественного движения должна считаться с реальными потребностями тех или иных групп населения и возможностями объединения людей по этой линии. В Советском Союзе есть огромное число недовольных в самых различных слоях общества. Труднее найти довольного, чем недовольного. Из этого кое-кто делает вывод, будто этот строй непрочен и скоро развалится. Но на самом деле общество не разваливается, а существующий в нем социальный строй ничуть не ослабевает. В чем дело? А вот попробуйте по одну сторону собрать довольных, по другую — недовольных! Ничего не выйдет, ибо общество естественно расчленивается совсем иначе. И недовольство суммируется в таких формах, которые исключают объединение недовольных. Общество расчленяется на множество деловых и социальных ячеек (коллективов). Большинство таких ячеек надежны с точки зрения целостности и устойчивости общества, а также с точки зрения управляемости свыше. Недовольные же, дорастающие до уровня диссидентов, в таких ячейках суть редкое исключение и не играют в них активной роли. Как только они становятся диссидентами, их сами сослуживцы выбрасывают из своих коллективов. Они становятся отщепенцами, не имеющими законных источников существования и возможности образовать свои самостоятельные жизнеспособные ячейки. Если они объединяются, их объединения рассматриваются как незаконные и преследуются. Пользуясь симпатией определенных кругов населения, диссиденты не выражают обобщенных интересов никакой социально определенной части населения — рабочих, крестьян, учителей, научных работников, военных и т. п. Они выражают протест против общей ситуации в обществе, которая лично затрагивает представителей самых его различных подразделений. И личная судьба этих людей просто как людей, а не как представителей той или иной социальной категории, становится главным объектом внимания диссидентской деятельности. Если диссиденты, например, привлекают внимание к судьбе какого-то рабочего, это еще не значит, что они суть выразители интересов рабочего класса.

Всякое общество изобретает соответствующие ему формы проявления и суммирования недовольства. Совет-

ское общество тоже открыло для себя по крайней мере одну такую специфическую форму — диссидентское движение. Оно возникло благодаря историческому стечению обстоятельств. Но возникнув раз, оно стало устойчивым и значительным фактом советской жизни. Диссиденты чисто опытным путем нашли себе наиболее адекватное идеологическое оформление — быть больной совестью советского общества, а не выдвигать утопические программы.

Диссиденты не есть единственно возможная форма сопротивления режиму в Советском Союзе. Не исключено, например, что здесь разовьется индивидуальный террор и возникнут тайные террористические организации. Но это не будет частью диссидентского движения, хотя власти и будут пытаться скомпрометировать диссидентское движение путем приписывания ему террористических намерений и действий. Диссидентское движение в целом и в главном есть движение в рамках советской формальной законности и легальности, хотя власти и стремятся представить его как выходящее за эти рамки и расправляются с ним, нарушая свои собственные законы. И уже самой этой установкой оно отрезает себе не только выработку позитивной программы переустройства общества, но и самую возможность понять для себя, почему оно такую программу не способно выработать в принципе. Я имею в виду, подчеркиваю это, не литературное прожектерство, а настоящую программу, способную увлечь за собой более широкие слои населения. Но, как говорится, нет худа без добра, ибо советский народ давно сыт по горло всякого рода программами.

Мюнхен, 24 февраля 1979 г.

МОСКВА — ОБРАЗЦОВЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД

Москва... Что о ней сказать? Иногда хочется просто махнуть рукой: мол, не стоит она того, чтобы о ней говорить. Иногда — наоборот, хочется долго и с чувством рассказывать: люди на Западе должны знать Москву настоящую, а не туристическую, показную, пропагандистскую. Знать не ради любопытства и образования, а ради самой человеческой жизни, ибо Москва есть не спасение, а коварная опасность.

Чтобы рассказать о Москве достаточно полно и точно, надо прежде всего рассказывать о реальном коммунистическом образе жизни, который достиг здесь классически ясных и развитых форм. Без этого ничего здесь нельзя понять хотя бы более или менее объективно и верно, ибо здесь ничего другого просто нет. Здесь даже проститутки (а их тут не меньше, чем в Париже), наркоманы (и такие тут есть), жулики, хулиганы и пьяницы суть носители и проводники принципов реального (а не мифического, марксовского) коммунизма. Я уж не говорю о внешнем облике Москвы: намерение властей, архитекторов, художников и прочих граждан превратить Москву в образцовый коммунистический город неуклонно проводится в жизнь.

Но в краткой статье невозможно рассказать, что такое коммунизм как реальный тип общества. Потому я ограничусь здесь лишь чисто психологической зарисовкой Москвы с этой точки зрения.

Раньше Москву считали большой деревней. Теперь так думать о ней — глубокое заблуждение. Теперь Москва есть не деревня, хотя и большая, а сверхдеревня.

И дело тут не просто в том, что во много раз увеличилось число людей и домов в ней, а в том, что возникло новое социальное качество. Качественный скачок, однако, состоял здесь не в том, что большая деревня наконец-то превратилась в город — деревня при всех обстоятельствах остается деревней, какой бы большой она ни стала. Скачок состоял в том, что Москва превратилась в центр, источник и символ исторического провинциализма. И слово «город» к ней применимо лишь в смысле большого скопления в одном месте людей, домов, учреждений. Когда после революции большевики перевели столицу новой советской империи из Петрограда в Москву, они заботились о своей шкуре. Но при этом они, не ведая того, совершили дело большой исторической важности: тем самым они узаконили победу над западническими порывами в России. Но победу отнюдь не славянофильских тенденций — последние теперь влачат жалкое существование в качестве одного из подручных средств советской власти (КГБ и ЦК КПСС), используемых по мере надобности (обычно когда в этом никакой надобности нет) и в разумных (обычно — в идиотских) пределах, — а победу именно провинциализма над столичностью. Старая Москва при этом послужила лишь удобным поводом для новой. Новая Москва, как это произошло и с прочими феноменами становящегося коммунизма, не оставила буквально камня на камне от старой. Сложилось новое человеческое объединение, мало что общего имеющее со старой Москвой как с архитектурной точки зрения, так и по составу и социальной психологии его обитателей. И по исторической роли, конечно.

Москва есть воинствующая провинциальность, буйствующая самодовольная бездарность, одуряющая скука, поглощающая все прочие краски серость. Это относится не только к внешнему виду города, но ко всему его образу жизни. Здесь все до такой степени серо и уныло, что становится даже интересно. Это особая интересность, чисто негативная, разъедающая, лишающая воли к действию и желания действовать. Привыкшие к этому с рождения люди, однако, принимают это как свою родную стихию и не сменяют ее ни на что другое, рассматривая свою душевную опустошенность и убожество своей жизни как признак духовного превосходства над человеком западным. Здесь отсутствие всего того, что делает челове-

ка личностью, достигает чудовищных размеров и становится ощутимо положительным. Оно здесь культивируется и прогрессирует. Здесь бездарность есть не просто отсутствие таланта, но наличие наглого таланта душить талант настоящий. Здесь глупость есть не просто отсутствие ума, но наличие некоего подобия ума, замещающего и вытесняющего ум подлинный. И так во всем остальном. Москва есть живая и очень активная ткань общества, но ткань злокачественная. Цинизм, злоба, подлость, пошлость, насилие здесь пронизывают все сферы человеческого бытия и образуют общий фон разыгрываемого дилетантами страшного спектакля.

Я родился в глухой русской деревушке далеко от Москвы. В Москве стал жить с 1933 года. Возможно, это переселение было случайным для меня. Но оно не было случайным для миллионов других людей тех времен. Гениальная ленинско-сталинская политика в отношении крестьянства привела в начале тридцатых годов к беспрецедентному в истории России разорению деревни. Уцелевшие русские мужики всеми правдами и неправдами устремились в города. Многие по старой памяти потянулись в Питер (Ленинград), но гораздо больше ринулось в Москву. Тут было легче устроиться. К тому же Москва по духу и культуре была много ближе им, чем высокомерный и чиновный Петербург. Этот процесс совпал с общей провинциальной тенденцией русской революции, дав в руки новых властителей страны такое могучее оружие, как бесконечное русское терпение, низкий уровень бытовой культуры и дешевый человеческий материал, готовый за грошовое вознаграждение выполнить любую волю руководителей. Конечно, люди уже научились бояться новой власти. Но эта готовность объясняется в большей мере другим фактором, а именно — страхом возврата к прошлому. Не поняв этой простой истины, нельзя понять причин успеха русской революции и прочности рожденного ею режима. Советский народ (русский во всяком случае) пойдет на любые трудности впереди, лишь бы не возвращаться в прошлое. Если бы ему пришлось выбирать одно из двух — новые трудности на пути вперед или облегчения на пути назад, он предпочел бы первое. И бессмысленно надеяться на то, что обманутый русский народ образумится, сбросит иго советского режима и вернется в лоно мирной жизни дореволюционного

образца, кстати сказать — сильно идеализированного. Сложные массовые процессы необратимы. И если хочешь вернуться назад (в такого рода случаях), иди как можно быстрее вперед. Москва именно так и поступает.

Когда я приехал в Москву, уже сломали Храм Христа Спасителя. На его месте задумали построить самое высокое здание в мире — Дворец Советов. Даже малограмотным мужикам было понятно, что гораздо дешевле и проще оставить церковь хотя бы как украшение, а Дворец построить на новом месте — свободной земли деять все равно некуда. Но власти выбирали что потруднее и подороже. Кончилась эта великая затея (во что она обошлась?!) тем, что в конце концов вырыли бассейн, т. е. яму. Символично! В Москве все символично. И парадоксально. На Садовом кольце выкорчевали все деревья. Начали строить грандиозную сельскохозяйственную выставку. В стране голод. Сельское хозяйство в ужасающем состоянии. А тут строят колоссальную, неслыханную ранее нигде и никогда выставку, которая должна демонстрировать якобы выдающиеся успехи и счастливую жизнь советских крестьян. И истратили на нее средств много больше, чем вложили в само сельское хозяйство. В чем дело? Выставка в то время была красивой сказкой, а сказка была важнее реальности — думают одни. Правда, эта сказка оказалась шедевром эстетической безвкусицы. Но не забывайте, что у провинции свои вкусы. На том же уровне эстетического идиотизма перестраивалась и до сих пор строится вся Москва. Построить выставку все же было дешевле, чем поднять само сельское хозяйство, — думают другие. Сельское хозяйство до сих пор поднять не могут, а выставку все-таки осилили. Внешний эффект от выставки был сильнее, чем от улучшения самого сельского хозяйства, — считают третьи. Ничтожное улучшение сельского хозяйства осталось бы незаметным, а выставку заметили все. Как ни улучшай сельское хозяйство, все равно будет отставание и бедность. Если не можешь людям дать добра на копейку, сули на миллион. А выставка и была таким обещанием. К тому же был расчет на то, что большое число дураков поверит в наш расцвет, посетив именно выставку, а не реальные деревни. Конечно, во всем этом есть доля правды. Но в происходившем было больше неподконтрольного никому стихийного процесса, чем злого (или доброго?)

умысла и разумного расчета. И потому тут всякие объяснения в терминах целесообразности и причинности лишены смысла.

Сельскохозяйственная выставка — явление, характерное для Москвы. Сейчас она называется ВДНХ — Выставка Достижений Народного Хозяйства. Сокращение это тоже не случайно — это неотъемлемая часть советского языкового творчества. Походите по Москве и посмотрите на вывески бесчисленных контор и конторок! Боже, сколько их в Москве! И каких только контор тут нет! Это тоже существенно, ибо новая Москва создавалась как гигантское скопление контор, как контора контор, как главная контора всего советского общества. Не столица, если уж быть точным, а именно контора. Московский провинциализм есть провинциализм не только деревенский, но и конторский. Теперь — в основном конторский. Конторский служащий господствует здесь, навязывая свою психологию, свой интеллект, свои формы поведения и вкусы всему остальному населению. Хотя в Москве много рабочих, она есть по преимуществу царство служащих, чиновников.

В центре ВДНХ теперь высится не пшеничный колос или хотя бы кукурузный початок, а космический корабль. Теперь стране не до сельского хозяйства, она занята делами более возвышенными — космосом! Не вечно же людям на Земле сидеть! А между прочим, я ничуть не удивлюсь, если люди действительно наплюют на Землю и улетят осваивать какую-нибудь не пригодную для жизни планету. Преодолевать трудности, специально создавая их для этой цели, — это вполне в духе нового общества. Неподалеку от космического корабля стоит огромная глиняная скульптура быка, выкрашенного под бронзу, — след первоначального замысла выставки. Ходил слух, будто бык сначала был сделан без половых органов — Партия и Правительство заботились о нравственности народа. За быком — павильон, в котором по идее должны были быть коровы. Когда мы перед отъездом из Москвы были там, на павильоне красовалась дощечка со словами «Коровы закрыты на ремонт». Посмотрев быка и оглянувшись на космический корабль, вы уже не заметите в нем ничего космического. В нем ощущается претензия не столько на покорение космоса, сколько на покорение

нашей обжитой планеты. Зачем, если свою Землю освоить не можем? Да хотя бы затем, чтобы заставить всех жить так же уныло и бездарно, как живет Москва.

Сейчас в Москве готовятся к Олимпийским играм. Это явление сродни сельскохозяйственной выставке. Зачем, спрашивается, потребовалось брать на себя такую обузу, когда страна на грани экономической катастрофы? Экономическая выгода? Нет, какие бы расчеты сейчас ни строили экономисты, на все это дело разбазарят все равно раз в пять больше, чем запланировали. Политический эффект? А от чего ему быть? Думаю, что сейчас руководители страны в глубине души сами хотят, чтобы эти игры сорвались, но сделать это уже не в их власти, как не в их власти было остановить разрушительную и созидательную лавину истории вообще. Они сами рабы ее. Из-за олимпийского строительства сократили (если не прекратили) жилищное строительство. Кучу народа сорвали с разных производств. В чем же смысл этого? Бессмысленно искать его здесь. Раковая опухоль не имеет цели в себе самой.

Москва создавалась как витрина нового коммунистического общества. С колоннами, фронтонами, всяческими завитушками. Образ отвергнутого дворянского Петербурга владел подсознанием хозяев новой столицы. Строилось кое-что и в современном (конструктивном) стиле. Но над этими сооружениями смеялись. Ходили слухи, будто строители их оказались врагами народа и понесли заслуженную кару. Тщательно сносились с лица земли старая, т. е. русская Москва. Безжалостно ломались церкви. Спрямялись кривые улочки. Загоняли в трубы речушки. Срезались возвышенности. Новая Москва мыслилась как идеальная плоскость, застроенная так, что теперь трудно поверить в серьезность намерений ее проектировщиков. Был отвергнут проект Корбюзье строить новую Москву в Юго-Западном районе, а старую сохранить как исторический памятник, очистив ее от зданий, не имеющих архитектурной ценности. Потом Москва сама устремилась в этом направлении, но далеко не на уровне проектов Корбюзье, а во вкусе советских академиков архитектуры и партийных чиновников. Признаны теперь и обруганные ранее архитектурные идеи Запада, но с большим опозданием, в самых посредственных и примитивных формах, со специфически советскими коррективами.

Когда я был студентом (уже после войны), ломали Китайгородскую стену и Зарядье. Я работал там землекопом на археологических раскопках. Мы выкапывали жалкие остатки русской истории, а на наших глазах замечательные памятники самой этой истории ломали и крушили. На месте разрушенного Зарядья построили безобразное здание гостиницы «Россия». Построили, несмотря на многочисленные протесты. На могучем фундаменте, который по идее должен был держать сотню этажей, еле держится двадцать (или что-то около того). Опять символ. При избытке территории в московский Кремль втиснул свое творение главный архитектор Москвы — своя рука владыка. И опять символично: бездарный чиновник от архитектуры стремится примазаться к великим творениям прошлого. Хотя расположение правительственных учреждений в Кремле очень неудобно с деловой точки зрения, власти цепляются за Кремль как за символ. Они хотят выглядеть хранителями и законными представителями России, которая фактически была разгромлена ими как национальное образование и возрождения которой они сами боятся панически. Россия — единственная из советских республик — не имеет своей Академии наук и даже своего республиканского Центрального комитета партии.

За годы советской власти Москва перестала быть национально русским явлением. Представители многочисленных национальностей страны заполонили ее, стараясь занять наиболее удобные и выгодные позиции в ней. Плюс к тому — огромное число приезжих. Они тянутся в Москву по делам службы, за продуктами, одеждой, посудой, мебелью, прочими предметами быта и за развлечениями. Они стали здесь постоянно действующим фактором жизни города. Наконец, иностранцы, число которых в Москве довольно велико и влияние на стиль жизни весьма ощутимо. Хотя русское население составляет пока большинство, оно в гораздо большей мере испытало на себе влияние евреев, грузин, армян, украинцев и прочих, чем само оказало влияние на них. Этому способствовало отсутствие национальной солидарности в русском населении и скрытая антирусская политика руководства, проводившаяся с первых дней советской власти и приведшая к тому, что русское население оказалось самым бедным, самым страдающим и самым разобщенным в стране. Русские в Москве не ассимилировали в се-

бе представителей прочих национальностей, а образовали вместе с ними особую вненациональную человеческую общность — общность советских людей.

Россия никогда не была нацией в том смысле, что она сложилась не как результат размножения одного народа и ассимилирования им других народов, а как объединение (насильственное или добровольное) различных народов, не ассимилируемых друг в друга. Россия была всегда империей. Революция пресекла зародыши становления нации и расчистила дорогу имперскому началу. Москва явилась его идеальным олицетворением. Москва — не космополитическое объединение. Здесь национальную принадлежность чтут, хотя и лицемерно. Москва есть имперское объединение. Причем весьма своеобразное: основной народ этого объединения угнетаем здесь больше всех, ибо он здесь есть фундамент и косное тело его. Когда приходится слышать, будто в Советском Союзе русские угнетают другие нации, становится просто смешно. Сравните жизненный уровень русского населения с другими, и вы сами увидите, что это — ложь. Другое дело — советские власти, опираясь на русское население и используя его, стремятся сделать жизнь в стране еще более стандартно однообразной. Но это вытекает из сути системы, а не из некоего русского национализма. Сейчас есть некоторая тенденция возродить русский национализм, создавая какие-то ограничения евреям и высылая их (в форме добровольной эмиграции). Но если даже в Москве не останется ни одного еврея, украинца, грузина, татарина и т. п., Москва от этого все равно уже не станет городом русским. Отчасти поэтому я покинул Москву без особого сожаления и не испытываю ностальгии по ней, хотя я прожил в ней сорок пять лет. Интересно, что и многие другие нынешние эмигранты чувствуют примерно то же самое. Почему? Да потому, что последняя эмиграция является не русской, а московской, т. е. эмиграцией тех, кто так или иначе был под влиянием Москвы. Лишь первая эмиграция была русской. Вторая была случайной или анти-советской. Третья же, повторяю, является московской, т. е. советской. Московский эмигрант даже в тех случаях, когда занимается антисоветской деятельностью, выполняет ее так, будто он выполняет поручение советских властей. Он есть человек сугубо советский. Мо-

жет быть даже более советский, чем те, кто остались в Москве.

Почти все люди, с которыми мне приходилось сталкиваться в довоенные годы, жили в нужде, граничащей с нищетой. Мало кто был доволен происходящим. И сейчас недовольство — одно из неотъемлемых качеств советского человека. Раньше недовольство скрывали. Теперь же им даже бравировать. Но все принимали и принимают до сих пор существующий строй жизни. Надежда на лучшее будущее? Вряд ли. Вера в сказки о коммунизме? Над ними все смеются. Так в чем же дело? Трудно объяснить. Тут сплелось слишком много разнообразных исторических линий, чтобы вообще искать объяснение. Думаю, что решающую роль тут играл стремительный поток жизни, захвативший всех. В Москве он проносился как ураган. Обычно такие явления массовой психологии ускользают из поля внимания историков как несущественные и не оставляющие зримых следов. Но роль их огромна. Я вспоминаю, как в конце войны многие из нас были недовольны тем, что война кончилась. Мы хотели пройти через всю Европу до океана. Зачем? Мы тогда сами не знали, зачем. Просто мы были частицами того исторического урагана и несли его в себе. Мы чувствовали, что возвращение домой будет для нас падением в унылое болото провинциализма, которое уже отчетливо наметилось. Мы, конечно, не понимали того, что предвоенный и военный ураган нес все общество в это болото, что ураган тот был не взлетом, а падением. Все попытки послесталинского руководства сохранить если не стремительность жизни, то иллюзию таковой потерпели потом крах, ибо падать было уже некуда. Все возможности падения, воспринимавшегося как полет, были исчерпаны. Опыление, владевшее людьми, прошло. Наступало похмелье. Но не протест. За это время выяснились многие преимущества жизни в болоте. Тем более уже выведен новый человек, пригодный к болотной жизни.

Когда речь заходит о Москве, то слово «любить» почему-то не употребляется. Можно любить Ленинград, Киев, Тбилиси... Но Москву... За что ее любить? Стены «древнего Кремля»? Так это — игрушка для туристов. И опять-таки символ. Пройдитесь по улицам Москвы! Серые унылые дома. Не на чем глазу остановиться. Почти никакой истории — она стерта и сфальсифициро-

вана. Тошнотворные столовые и кафе. Да и то изредка. Да и то с очередями, грязью, хамством. Забитые всяким дерьмом промтоварные магазины. Слово «промтоварный» — типично советское. Оно расшифровывается как «промышленные товары». Духи, одеколон, женское белье, мыльницы, зубные щетки — все это промышленные товары. Убогие продуктовые магазины. Очереди. Давка. Хамство. Негде приткнуться и посидеть просто так, поболтать с друзьями. Та жизнь, которую москвичи воспринимают как признак духовного превосходства над Западом, протекает в основном в тесных и убогих квартирах. И то хорошо, что такие квартиры появились. Раньше ютились в «коммуналках». Что такое московская коммунальная квартира, западный человек вряд ли способен понять. Представьте себе квартиру из пяти-семи комнат. Без бытовых удобств. С вечно портящейся канализацией. В каждой комнатухе — семья, а то и две. И на человека — один квадратный метр жилой площади, а то и того меньше.

Хотя Москву и не любят, к ней не испытывают и противоположного чувства. В нее многие стремятся, а большинство живущих в ней не сменяло бы ее ни на какой другой город. К Москве относятся рационально — ее предпочитают. Предпочитают не в том смысле, что имеют свободу выбора. Такой свободы выбора советский человек не имеет. А те немногие, кто имеют, выбирают Москву не в силу эмоций, а в силу иных обстоятельств. Здесь много возможностей пристроиться к лучшей жизни и сделать карьеру. Каналы карьеры здесь неисчислимы. Здесь с продовольствием лучше, чем во многих других местах. Здесь есть виды деятельности, каких нет нигде. Здесь Запад ближе, культуры больше. Здесь свободнее в смысле разговоров. Здесь можно делать такое, что запрещено в других местах. Так, в свое время журнал «Новый мир» был запрещен в Советской Армии, а уже в сотне километров от Москвы не рекомендовались ссылки на вполне партийный и холуйский журнал «Вопросы философии». В Москве есть обширное поле деятельности для спекулянтов и всякого рода проходимцев. Короче говоря, Москва для огромной массы населения страны кажется почти Западом. Можете себе после этого представить, как же живут люди в этой стране, прокладывающей путь человечеству к счастливому будущему!

Москва не всем и не всегда представляется в том свете, как я описал выше. Москва — это многие миллионы людей. А сколько среди них процветающих партийных и государственных чиновников, сколько министров и футболистов, сколько генералов и академиков, заведующих, директоров, спекулянтов, артистов, художников, писателей и прочего служилого и прожигающего жизнь люда! Сколько людей ежегодно вливается в Москву, несмотря ни на какие запреты — за взятки, по блату, на законных основаниях! И очень многие добиваются успеха. Посмотрите на государственных деятелей, генералитет, партийных чиновников, видных писателей, художников, артистов и спортсменов!.. Много ли среди них коренных москвичей? В Москве убогие магазины. Но посмотрите, как одеты многие москвичи! Продовольственные магазины пусты. Но ходите в гости к мало-мальски преуспевающим чиновникам! В Москве есть все, что захотите. Но — через закрытые распределители, на черном рынке, по блату, незаконно, в силу привилегий. Любые вина. Любая еда. Любые женщины. В Москве есть все. Наркотики, сифилис, шпионы, иностранцы, валютчики, проститутки, буддисты, гении, проходимцы, гомосексуалисты, богоискатели, парапсихологи... Здесь можно посмотреть любой заграничный фильм, прослушать любую западную музыку, прочитать любую книжку. Здесь тысячи людей ведут нескончаемые беседы на высочайшем интеллектуальном уровне. Короче говоря, Москва — великий город. Пульс мира сейчас бьется в Москве: она является базисом, источником, центром, острием душой и сердцем роковой тенденции человечества — коммунистической атаки на весь мир. И что бы по сему поводу ни говорили критики советского режима (антисоветчики и конкуренты), еврокоммунисты, китайцы и все прочие явления коммунизма вторичны и производны по отношению к Москве. Из Москвы исходит инициатива. Москва — игрок, а все остальное — лишь факторы в игре. Москва навязывает свою игру всему миру с тупой настойчивостью и педантичностью привычно работающей системы, уже не подвластной самим ее носителям. Но...

Вот это «но» возвращает нас к тому, с чего я начал эту заметку. Кому достаются упомянутые выше блага и как они используются? Чтобы пробиться к этим благам и принять участие в великой игре, которую ведет Москва, нужно сформироваться так и вести та-

кой образ жизни, что вся кажущаяся яркость, динамичность и интересность жизни оказываются иллюзорными и постепенно пропадают, уступая место серости, пошлости, скуке, бездарности... Важно не только то, что ты что-то имеешь. Важно то, какую цену ты за это платишь. Цена, которую платит Москва, слишком велика. Как говорится, овчинка выделки не стоит. Человеческий материал, наслаждающийся жизнью в Москве, отбирается и воспитывается по законам коммунистического образа жизни так, что о наслаждении жизнью тут приходится говорить исключительно в примитивном и в сатирическом смысле. Московское наслаждение жизнью в большинстве случаев и в целом достигается ценой полного морального крушения и приобщения к мафиозному и уголовному образу жизни. Даже в тех случаях, когда блага жизни приобретаются на законных основаниях (в силу системы привилегий), они потребляются с сознанием и чувством украденных. Любыми путями вырваться из житейского убожества и урвать какие-то преимущества перед прочими — таков стержень социальной психологии активных москвичей. А убожество жизни подавляющего большинства населения Москвы, для которого доступ к упомянутым благам закрыт, не поддается описанию. Говорят, что на Западе жизнь для низших слоев населения тоже не очень-то хороша. Не хочу сравнивать. Я хочу сказать лишь одно: нелепо надеяться на то, что Москва принесет миру свет и избавление от несчастий. Москва с маниакальной последовательностью и настойчивостью, не считаясь с нуждами своего народа (он вытерпит все), роет могилу Западу. Зачем? Вопрос бессмыслен. Просто по законам раковой опухоли она стремится сделать весь мир подобным себе. Именно в тот момент, когда Москва выбилась на роль инициатора и ведущего игрока мировой истории, она с полной очевидностью проявила свою темную и подлую натуру.

Мюнхен, 7 марта 1979 г.

О БЮРОКРАТИЗМЕ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Имеется два типа мышления в отношении явлений общественной жизни. Различие их поясню на таком примере. Апологеты советской системы утверждают, что в Советском Союзе власть принадлежит народу, и думают при этом, что это хорошо. Большинство критиков советского режима, наоборот, утверждает, что власть на самом деле в Советском Союзе народу не принадлежит, и думает при этом, что это — плохо, что если бы власть на самом деле принадлежала народу, то это было бы хорошо. Здесь критики режима имеют тот же тип мышления, что и апологеты. Но можно к той же проблеме подойти иначе, а именно — так. Вы считаете, что власть в Советском Союзе принадлежит народу? Пусть так. Теперь посмотрим, что означает на деле это народовластие. Первый тип мышления привязан к привычным словам и штампам-фразам. Второй ориентирован на рассмотрение фактов жизни. Так обстоит дело и с вопросом о бюрократии в советском обществе. Апологеты утверждают, будто советское общество является враждебным бюрократизму и систематически борется с ним в тех случаях, где он вырастает. Критики же обвиняют советский режим в чрезмерном бюрократизме, утверждают, будто здесь вообще господствует бюрократ. При этом те и другие исходят из априорной догмы, будто бюрократия есть зло. На самом деле бюрократия это не обязательно зло, а отсутствие бюрократии — не обязательно добро. Что такое бюрократия, бюрократизм? Мы привыкли пользоваться на этот счет старыми представлениями, которые сло-

жились еще тогда, когда общество было простым сравнительно с современным, неизмеримо проще была система управления и норм поведения людей, фиксируемых в бумагах. Советское общество является очень сложным и имеет огромный аппарат управления и власти. Этот аппарат сам по себе еще не есть бюрократический аппарат. Люди и организации, входящие в него, могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся те из них, которые имеют дело непосредственно с людьми, ко второй — которые имеют дело непосредственно не с людьми, а с бумагами (с законами, постановлениями, инструкциями, справками и т. п.). Директор завода или института, начальник цеха, командир дивизии, секретарь райкома партии и т. п. бюрократами не являются, хотя они — чиновники аппарата власти и управления. Бюрократический аппарат в собственном смысле слова образуют люди и организации, относящиеся ко второй из только что названных мною групп. И вопрос надо ставить так: какое место в системе власти и управления советского общества занимает этот бюрократический аппарат, какова его фактическая роль здесь? Обычно со словом «бюрократия» («бюрократизм») ассоциируют некую бумажную волокиту, причем самодовлеющую, игнорирующую живых людей, которым она по идее должна служить. Бюрократия в этом смысле слова постоянно служила предметом насмешек писателей, артистов, газетчиков и даже политиков. Однако бюрократия есть необходимый элемент нормальной жизни достаточно развитого общества. Игнорировать интересы живых людей можно и без бюрократии. В Советском Союзе, например, в свое время миллионы людей без всякой бюрократической волокиты подвергались бесчеловечным притеснениям. По моим наблюдениям, Западная Германия — высокбюрократизированное государство, а между тем это — правовое общество в смысле западной демократии. В советском обществе бюрократический аппарат очень сильный, и всякого рода правовых документов, инструкций, справочников, положений и т. п. здесь предостаточно, бумажный поток огромен. Но с этой точки зрения Советский Союз не отличается от стран Запада, не превосходит их, а может быть, и уступает им. И дело не в этом. Бюрократия не характеризует советское общество специфически, не она здесь главное действующее лицо. Главную роль в системе власти

и управления здесь играют лица и органы первой из названных мною выше групп, а главным орудием управления является система установок, которым подчиняется и бюрократический аппарат. Эти установки иногда фиксируются в письменных документах, иногда являются устными, иногда действуют и без особых команд в силу навыков и природы лиц управленческого аппарата. Потому всякого рода инструкции и регламентирующие документы здесь обычно не соблюдаются или соблюдаются в том виде, как это отвечает той или иной действующей в данный момент установке. Советское общество есть неправовое общество. Его природе более соответствует волюнтаристская (а не формально-правовая) система власти и управления и адекватная ей форма реализации — установка. Бюрократия же есть скорее социальная форма, более соответствующая обществам типа западных демократий. Хотя она и несет с собою целый ряд отрицательных явлений, ненавистных многим членам общества, она все же есть признак общества правового. Советскую систему нельзя считать бюрократической, хотя, повторяю, бюрократический аппарат в ней огромен. То, что называют бюрократической волокитой и формализмом («бюрократизмом»), в советском обществе развито очень сильно, но проистекает это не от бюрократического аппарата, а от общей системы власти и организации управления обществом, в которых отсутствует личная заинтересованность в скорейшем и наилучшем решении проблем и присутствует личное стремление избежать риска и ответственности. Этот аппарат власти и управления в Советском Союзе начал складываться задолго до Октябрьской революции. До революции он не был самодовлеющим, не поглощал в себе всю систему власти и управления. Выполняя и бюрократические функции (но не только), он воспринимался как чисто бюрократический аппарат, хотя не сводился к последнему. И возник он не из потребности управлять людьми через бумаги, — во времена Ивана Грозного их не так уж много было. Он лишь со временем расширился в этом направлении. Октябрьская революция расчистила дорогу этому аппарату власти и управления, создала для него идеальную почву, позволила стать ему монопольным властителем общества. Ошибочно так рассуждать, будто коммунизм породил бюрократию. Бюрократия, повторяю, неизбежна во всяком сложном об-

естве. Бюрократия во всяком обществе (в дореволюционной России в том числе) несет в себе элементы и зародыши коммунистических социальных отношений. Не одна она их несет. Я могу здесь назвать еще всякого рода мафии, союзы, партии, профессиональные касты, армию, управленческие организации, конторы. Апологеты коммунизма считают, что коммунистические социальные отношения не вызревают в старом обществе, что они появляются лишь после социалистической революции. Конечно, если иметь в виду те сказочно райские отношения между людьми, какие сулит пропаганда в будущем коммунизме, они не складываются в буржуазном обществе. Но такие не складываются и после социалистической революции. Реальные же коммунистические отношения, увы, имели и имеют место в обществах самого различного типа. Они имеют место и в странах Запада, причем в угрожающих масштабах. В определенных условиях они становятся господствующими и порождают особый тип общества. Среди этих условий в первую очередь следует назвать ликвидацию частной собственности на средства производства и частной инициативы вообще. В чем заключаются реальные коммунистические отношения? Возьмите любую элементарную клеточку общества, обладающую существенными свойствами целого, т. е. любое среднетипичное предприятие или учреждение Советского Союза, и вы сами заметите их невооруженным глазом. Это — отношения начальствования и подчинения, соподчинения, иерархия людей и групп людей в первичных коллективах, иерархия коллективов, система служебных привилегий, распределение в соответствии с социальным положением людей и т. д. В моих книгах я описал их подробнейшим образом. В рамках этих отношений оживляется и расцветает и бюрократический аппарат. Коммунизм не изобрел тюрьмы, государственный аппарат, армию и многое другое. Не он изобрел и бюрократию. Коммунизм лишь ставит себе на службу все эти изобретения человечества и придает им вид, соответствующий новому типу общества. Приведу простой пример, чтобы проиллюстрировать фактическое положение бюрократии в советском обществе. Гражданин А имеет комнатку в коммунальной квартире, где он прописан с дочерью. Его жена прописана в аналогичной комнатке у престарелой матери. Они, естественно, хотят объединить свои комнатки (как говорят

в Советском Союзе — хотят съехаться), чтобы жить вместе. Сделать частным порядком, через бюро обмена это никак не удастся, так как одна из комнатшек находится в очень старом доме. Этот дом должны были сломать еще десять лет назад, но всегда находились серьезные причины, мешавшие этому. В последний раз такой причиной оказалась подготовка к Олимпийским играм в Москве, из-за которых свернули жилищное строительство. Гражданин А десятки раз обращался во всякого рода государственные и партийные (он — старый член партии) инстанции с просьбой помочь. Больше пятнадцати лет тянулась эта история. Сотни заявлений, справок, писем, резолюций и т. п. И безрезультатно. Кажется, это — типичный пример бюрократической волокиты. Однако это на самом деле пример кажущегося бюрократизма. Здесь бюрократизм выступает как маскировка и средство более глубоких отношений, а именно — коммунистических. Если бы гражданин А принадлежал к привилегированному слою, имел бы связи в органах власти, был бы холуем начальства у себя на работе или партийным активистом, смог бы дать взятку, он решил бы свою примитивную проблемку в течение месяца. Поскольку он ничем подобным не обладал, против него использовали (в числе прочего) установку высшего руководства не улучшать жилищные условия тем семьям, в которых приходится более пяти квадратных метров на одного человека.

Еще более интересный вид принимают жизненные проблемы на более высоком уровне, когда речь идет о внедрении в производство новых научных открытий и технических изобретений, введения новых форм организации труда и оплаты. Даже в военной сфере, где казалось бы все должно совершаться идеально гладко, поскольку Советский Союз есть по преимуществу государство милитаризованное, происходит нечто такое, что обычно по старинке называют бюрократической волокитой, но что на самом деле является волокитой специфически коммунистической организации общества. Я настойчиво подчеркиваю это с целью обратить внимание на следующее принципиально важное обстоятельство. Реальный коммунизм вырастает не из застенков карательных органов, не из преступных тайных партийных решений, не из концентрационных лагерей. Он вырастает из очень простых, привычных, широко рас-

пространенных явлений нашей жизни, порождая в определенных благоприятных условиях застенки карательных органов, преступные замыслы вождей, концентрационные лагеря и все прочие ужасы, хорошо знакомые всем. Массы людей обычно не отдают отчета в последствиях своих действий для судеб общества. Это — бессознательная стихия. Цивилизация в борьбе с природной стихией состояла в изобретении защитных средств. Такой она была и в борьбе с социальной стихией, каким является нашествие на мир коммунистической эпидемии. И между прочим, хорошо налаженный бюрократический аппарат мог бы сыграть роль одного из средств защиты против нее. В Советском Союзе бюрократия есть не только зло, но и защитное средство. Рядовой советский человек довольно часто ориентируется в бюрократической системе и научается, как там выражаются, «качать свои права», т. е. использовать именно бюрократизм в своих интересах.

Мюнхен, 20 марта 1979 г.

ОТЩЕПЕНЕЦ — РИТУАЛЬНАЯ ЖЕРТВА (Из выступления по радио «Свобода»)

«Записки Ночного Сторожа» мыслились как часть «Зияющих высот». Одна из основных идей «Высот» состоит в следующем. Чтобы разобраться в том, что такое реальное коммунистическое (или социалистическое) общество, надо начать изучение его с анализа самой элементарной части его, обладающей существенными свойствами целого, т. е. с анализа жизни любого среднетипичного предприятия или учреждения — с анализа ячейки коммунизма. В «Записках» я обратил внимание на тот факт, что в иерархии коммунистических ячеек определяющая роль принадлежит конторе, т. е. ячейке второго и более высокого уровня с производственными ячейками.

Анализ коммунистических ячеек обнаруживает, что они имеют сложную структуру. Помимо разделения людей по деловому принципу в них происходит разделение людей также по особым социальным функциям. В «Высотах» были описаны многочисленные характерные персонажи — носители этих функций. В «Записках» это описание продолжено. В частности, здесь описан так называемый «порядочный человек». Но главное внимание здесь уделено особой категории индивидов, которых официально называют отщепенцами. Название это точно передает специфику этих индивидов и отношение общества к ним.

Отщепенец — явление в коммунистическом обществе в высшей степени интересное. Это — не диссидент, во всяком случае — не обязательно диссидент. Чаще всего отщепенцу не удастся дорасти до диссидентства. Это — член коллектива, по тем или иным причинам противопоставивший себя коллективу. Например, по какому-то

важному вопросу он высказывает мнение, не согласующееся с мнением коллектива, и упорствует в этом. Рядовой отщепенец не имеет солидного официального положения, известности, связей с иностранцами, высоких покровителей-родственников и других средств самозащиты. Он абсолютно незащищен перед властью коллектива. А так как коллектив, отчаявшись сломить его своими силами, выталкивает его из себя, то он становится игрушкой в руках органов государственной безопасности, милиции, местных властей. С отщепенцами общество расправляется обычно без всяких сенсаций, незаметно для посторонних. Но что самое любопытное, это органическая потребность общества в таких отщепенцах. Борясь с ними, общество с необходимостью порождает их. Зачем? Чтобы бороться с ними. Они порождаются как ритуальные жертвы, без которых немислимо идеологическое общество. Иногда они выталкиваются в отщепенцы помимо своей воли или случайно. Тем самым дается внешний выход накопившемуся в коллективе недовольству, но с такими последствиями, чтобы прочие недовольные не отважились на нечто подобное. Расправа с отщепенцем дает людям наглядный урок и нейтрализует само недовольство. Это поразительно: отщепенцы выражают общее недовольство, но выражают его как нечто только им свойственное, так что их бьют сами же недовольные. Бьют также и за то, что отщепенцы отваживаются на то, на что не решаются остальные. Между прочим, в отщепенцы попадают отнюдь не самые недовольные и не обязательно недовольные. Описанный мною отщепенец стал таковым из чисто мужских качеств, подобно тому, как на фронте героические поступки чаще совершали не фанатичные коммунисты, а просто по-мужски смелые и самоотверженные люди.

Много ли таких отщепенцев? В абсолютных величинах много, в относительных — ничтожно мало. Поясню, что я имею в виду. В Советском Союзе очень много недовольных во всех слоях общества. Но этот факт сам по себе еще ни о чем не говорит. Советское общество естественным образом расчленяется на множество ячеек — первичных коллективов. Большинство таких ячеек здоровы, т. е. надежны с точки зрения монолитности общества, послушны указаниям властей, поддерживают генеральную линию руководства. При чем они обычно достаточно зрелы политически — это

принятое официальное выражение, — чтобы быть такими без особых подсказок свыше, в силу самостоятельности адресированных для этого членов коллектива. Недовольные в таких ячейках имеются постоянно, но до уровня отщепенцев дорастают единицы. Они тут редкое исключение. На внутреннюю жизнь коллектива они особого влияния не имеют. Будучи выброшены из своих коллективов, они по общим условиям жизни не могут образовать самостоятельные жизнеспособные ячейки, которые давали бы им хлеб насущный и защиту. Если они объединяются, их объединения оказываются незаконными. Большинство отщепенцев гибнет в одиночку или «перевоспитывается» в специально предназначенных властями для этого местах. Судьба отщепенца предрешена. Когда и в какой форме он будет сломлен, зависит от воли и расчетов карательных органов и властей. Если даже случай незначителен и с отщепенцем поступают сравнительно мягко, он все равно обречен. Психологически он подрубается под корень с самого начала и никогда уже не поднимается достаточно высоко.

Судьба отщепенца печальна и в смысле его личной, бытовой жизни. Коммунистические социальные отношения пронизывают собою абсолютно все стороны жизни человека. Они не оставляют в человеке и в его жизни никакого интимного уголка, где человек мог бы ощутить себя не просто членом общества, в котором господствует принцип «интересы коллектива превыше интересов личности», а просто человеком — суверенным существом, имеющим самодовлеющую ценность для себя. Отщепенцу некуда скрыться не только в смысле работы, но и в смысле своей бытовой и духовной жизни. Его преследуют все — родные, друзья, случайные сослуживцы. Его тайные думы так или иначе становятся известными властям. Если даже ему удастся создать свой интимный мирок, тот все равно обречен на развал в силу неадекватности образующих его персонажей самому способу их единения. Так, нелегальная бригада по ремонту квартир может быть устойчивой лишь при том условии, если члены ее — пьяницы, халтурщики, примитивные в интеллектуальном отношении люди, жулики, а не высокообразованные интеллигенты с нравственными устоями. Любовные отношения могут быть безболезненными и необременительными лишь при условии взаимного обмана и притворства, а не на основе старомодного

духовного единства и безусловной преданности друг другу. Из этого не следует, что прочие члены общества, не ставшие отщепенцами, имеют свой счастливый интимный мирок, недоступный контролю и влиянию общих законов системы. Такой мирок для них невозможен тем более. Но они и не ощущают его важности, они это воспринимают как обычную, будничную жизнь. Став же отщепенцем, человек хватается за возможность такого мирка, как утопающий за соломинку. Он видит, что такового нет, и ему остается одно: ждать, когда общество доведет ритуал жертвоприношения до положенного конца. Этим и кончается моя книга.

Мюнхен, 21 марта 1979 г.

О ПРАВДИВОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

При оценке произведений современной литературы полезно различать два очень близких и часто смешиваемых понятия — понятия правдивости и адекватности литературы. Первое из них характеризует то, насколько верно, полно и глубоко в данном произведении описаны те или иные явления жизни. Второе же характеризует то, насколько это произведение выполнено в духе времени, насколько оно соответствует способу мышления и языку той части населения страны, которая лучше понимает происходящее и активнее переживает его. Литературное произведение может быть правдивым, но не адекватным, и может быть адекватным, но не правдивым. Анекдот, достигший беспрецедентного расцвета в послевоенное время в России, не может быть охарактеризован понятием правдивости, но с точки зрения адекватности он заслуживает высочайшей похвалы. Разоблачительная и критическая литература, могучим потоком обрушившаяся на русского читателя как по нелегальным, так и по официально дозволенным каналам, может быть высоко оценена с точки зрения правдивости, но она (за редким исключением) не может служить образцом адекватности. Играя исключительно важную социальную роль, с точки зрения чисто литературной она потянула русскую литературу в прошлое, к давно пережитым хрестоматийным образцам.

Разделение литературных произведений как по признаку правдивости, так и по признаку адекватности не совпадает в России с разделением на литературу

легальную (прошедшую советскую цензуру) и нелегальную. Многие члены Союза советских писателей создавали и создают произведения, не уступающие с точки зрения правдивости произведениям Солженицына и Шаламова. Это, например, Шукшин, Трифонов, Распутин, Астафьев, Белов, Битов и другие. А вот имена русских писателей, создавших шедевры адекватной литературы: Бабель, Олеша, Платонов, Булгаков, Ильф и Петров, Зощенко, Тынянов, Белинков, Владимов, Войнович, Ерофеев, Боков, Окуджава, Галич, Высоцкий... Одни из них пользовались официальным почетом, другие — допускались, третьи — отвергались.

Ни в коем случае нельзя противопоставлять правдивость и адекватность литературы, что очевидно. Наиболее сильный эффект достигается тогда, когда имеет место гармоничное сочетание того и другого, как это имеет место, например, в таких замечательных произведениях современной русской прозы, как «Верный Руслан» Владимова, «Москва-Петушки» Ерофеева и «Колымские рассказы» Шаламова. Я лишь настаиваю на том, что нельзя эти понятия смешивать. И еще я хочу обратить внимание на то, что аспект адекватности оказался для нынешнего русского читателя и слушателя не менее важным, чем аспект правдивости. А может быть, и более важным, поскольку правдивостью он насытился чрезмерно. Я выше употребил слово «слушателя» потому, что в России сложился и играет огромную роль устный фольклор, часто не уступающий по литературным качествам литературе печатной.

Мюнхен, апрел. 1979 г.

ГОД НА ЗАПАДЕ

(Интервью радио «Свобода»)

И. Каневская: Сегодня в нашей студии Александр Александрович Зиновьев, автор замечательных книг, которые триумфально шествуют по миру: «Зияющие высоты», «Светлое будущее», «Записки Ночного Сторожа», и совсем недавно вышедшей книги, которую, я думаю, ожидает не менее интересная судьба читательская, — «В преддверии рая». Александр Александрович! Вы покинули Советский Союз 6 августа 78-го года. И как Вам потом стало известно, 25 августа Брежнев подписал Указ о лишении Вас советского гражданства. Стало быть, решение это было принято тогда, когда Вы были еще в Москве. Так что же, Ваш отъезд — это была фактически высылка?

А. Зиновьев: Конечно, мой отъезд можно рассматривать и таким образом. Но особой надобности в этом нет. Властям было выгоднее избавиться от меня именно в такой форме. А я хотел мирно жить, содержать семью, работать, избавить родственников и друзей от тревог, связанных со мной. Так что такое решение властей было и в моих интересах.

И. К.: Некоторые бывшие советские граждане не хотят считать себя эмигрантами на том основании, что их отъезд так или иначе был вынужден. А Вы как рассматриваете себя?

А. З.: Это проблема чисто терминологическая. Согласно смыслу слова «эмигрант», я — эмигрант. Ничего унижительного в этом наименовании я для себя не нахожу. Мои убеждения и характер моей деятельности несколько не зависят от того, в какой стране я живу и какой паспорт имею.

И. К.: Но как для каждого из нас, для Вас и для Вашей семьи это все-таки было болезненное событие. Как бы Вы определили: что для Вас в Вашем новом положении — самая большая потеря и самое важное приобретение?

А. З.: Во-первых, мы потеряли привычную среду существования, завоеванные жизненные позиции, родственников, друзей, материал для наблюдений. Потери, конечно, ощутимые. Если бы я имел в Москве хотя бы 200 рублей в месяц и какие-то гарантии безопасности, я бы Москву не покинул. Я согласился на эмиграцию как на лучший из двух возможных вариантов дальнейшей жизни. Второй из этих вариантов была тюрьма. Приобретения тоже очевидны. Я не в тюрьме, а на свободе. Жизненные условия здесь, на Западе, лучше, чем в Москве. Плюс к тому — свобода деятельности, свобода передвижений, доступ к культуре, возможность своими глазами наблюдать западное общество. Мой социальный статус здесь неизмеримо вырос сравнительно с прежним.

И. К.: Вы говорили о возможности наблюдать западную жизнь. Вы в течение целого года такую возможность имели. Что Вы можете сказать о том, что Вы увидели?

А. З.: Принципиально нового и неожиданного я здесь для себя ничего не увидел. Запад таков, как я и ожидал. И вместе с тем тут все ново и неожиданно, поскольку сталкиваешься с западным образом жизни непосредственно. Я не строю иллюзий насчет Запада и вижу его недостатки. Но это есть лучшее из всего того, что было в прошлой истории человечества и есть сейчас на планете. Запад способен к творческому развитию цивилизации и имеет силы постоять за себя.

И. К.: У каждого человека — а у эмигрантов в особенности — есть в той или иной мере страх будущего. У Вас есть такой страх? Испытываете ли Вы в какой-то мере тревогу за свое будущее?

А. З.: Я потерял все те жизненные позиции, которых я добился в результате многолетних усилий и которые давали уверенность в будущем. Но я об этом не жалею. Если бы я знал заранее, что мне за мои книги придется заплатить жизнью, я все равно не остановился бы. Написав и опубликовав «Высоты», я вообще снял для себя проблему будущего. Сейчас я ощущаю себя человеком, начинающим жизнь с самого начала, и чувствую у себя достаточно сил для этой новой жизни, какой бы короткой или длинной, легкой или трудной она ни оказалась.

И. К.: Многие советские эмигранты чувствуют себя в этой новой жизни чужими. Они живут в замкнутых эмигрантских гетто. Они изолированы от местного населения, какой-то силой все время толкаются друг к другу и образуют, я бы сказала, островки прежней жизни. А как Вы здесь живете? Кем Вы окружены и кем Вы хотите быть окружены?

А. З.: У меня и моей семьи на этот счет особых проблем нет. Я и в Москве был в известной мере человеком, стоящим вне общества. Но это соответствовало моим убеждениям. И здесь я нисколько не страдаю от того, что не имею тесных бытовых контактов с русской и советской эмиграцией. Мы не погружаемся здесь и в местное общество, занимаем в нем тоже обособленное положение. Вместе с тем, с местным населением у нас отношения превосходные. У нас много хороших знакомых по всей Европе. Европейский тип дружбы с сохранением должной дистанции нас гораздо больше устраивает, чем советская интимность, переходящая, как правило, в хамство и в пошлость.

И. К.: Этот год, Ваш первый год на Западе, был для Вас годом напряженнейшей работы. И не только для Вас, а для всей Вашей семьи. Вы много писали, были во многих странах Европы, были в Америке, десятки раз публично выступали, встречались с читателями и читали лекции по логике, причем читали их на немецком и английском языках. Ваша дочь Полина стала ходить в немецкую школу, не зная ни единого немецкого слова, но вскоре девочку учителя предложили перевести сразу во второй класс. Ваша жена Ольга вынесла такую нагрузку, что в общем даже непонятно, как один человек может ее выдержать. Она готовила Ваши работы к печати, вела Вашу корреспонденцию, занималась с дочерью, занималась домом, принимала посетителей — одним словом, работа безумно трудная. Как Вы сами этот год оцениваете?

А. З.: Этот год для нас был годом тяжелого труда. Не надо лицемерить; привыкать к новому строю жизни и осваивать чужие языки — это труд каторжный. Но мы все работали с радостью и результатами года удовлетворены вполне. Мы и отдыхать сумели отлично. За этот год мы в музеях и на концертах побывали больше, чем за десять лет в Москве.

И. К.: Год этот мало того что был напряженный,

он был невероятно урожайный и успешный. Переводы Ваших книг вышли во Франции, Италии, Англии, Америке, Германии, Испании, Швейцарии и продолжают выходить на других языках и в других странах. На русском языке, как я уже говорила, опубликованы две новые книги — «Записки Ночного Сторожа» и совсем на днях вышедшая «В преддверии рая». Число рецензий, посвященных Вашим книгам, сосчитать невозможно. И рецензии эти удивительны по тому восхищению, которым они проникнуты. Можно сказать без ложной скромности, что сегодня живущего автора в таких выражениях, пожалуй, никто и не хвалил раньше. Ваше имя ставят в один ряд с Вольтером, Свифтом, Оруэллом, Кафкой, Рабле, Анатолем Франсом и другими выдающимися писателями мировой литературы. Успех не подлежит сомнению. Что Вы считаете в этом успехе главным?

А. З.: Во-первых, то, что это — не политический, а литературный успех. Во-вторых, то, что западный читатель воспринимает мои книги как книги о человеческой жизни вообще. И несмотря на неизбежные потери в переводе и непонимание многих фрагментов книг из-за незнания самих феноменов советской жизни, многие читатели уловили мои основные идеи.

И. К.: А как Вы воспринимаете свой успех чисто психологически? Он Вас удивляет или нет? Что он Вам дает?

А. З.: Конечно удивляет, но в том смысле, что я сам поражаюсь своевременности появления своих книг на Западе. Проблемы Запада начали принимать такой оборот, что мои книги оказались актуальными и появилось довольно большое число людей, способных воспринять их именно как книги о современном обществе. Что касается вдохновения на новые книги, я не берусь пока судить. Все мои книги были написаны в Москве, в том числе и последняя книга «В преддверии рая». Я — человек, можно сказать, внутренний, то есть действую в большей мере в силу внутренних мотивов. И появление моих новых книг зависит не от потребностей читателя, а от надобности их (книг) в той картине современного общества, которую я делаю.

И. К.: Я говорила об откликах в западной прессе. А русскоязычная пресса на Западе воспринимает Ваши книги особым образом, я бы сказала, несколько болезненно. В то время как читатели встретили их с неслы-

ханным интересом и с восхищением, русская пресса старается делать вид, будто Ваших книг вообще нет, хотя в ней самой легко заметить следы того, что эти книги есть, прочитаны и усвоены. Как Вы относитесь к этой реакции русскоязычной прессы?

А. З.: Меня эта реакция не удивляет, я ее ожидал. Если бы она была иной, я думал бы, что свое дело сделал плохо. Причин для такой реакции много. Положение мое здесь в русскоязычной среде очень напоминает мне мое положение в логике в Советском Союзе, а сама эта среда с социально-психологической точки зрения мало чем отличается от Советского Союза. Так что я опыт по этой части уже имею. Думаю, что и моя концепция советского общества вступила в конфликт с той концепцией, которая сложилась здесь в кругах русских и советских эмигрантов. Но, насколько я могу судить на основе личных бесед и писем, если бы все мои русскоязычные читатели имели доступ к прессе и высказали свое мнение, оценка моих книг в русскоязычной прессе была бы иной и в значительной мере ближе бы к западной.

И. К.: Вы сказали о Ваших русскоязычных читателях. Вы имеете в виду каких-то определенных читателей? Вы имели в виду этих определенных потенциальных читателей, когда писали?

А. З.: Я никогда не ориентировался на какого-то определенного читателя, не ориентировался на чужие вкусы и на чужие представления о жизни. У меня были и есть свои, и я делал и делаю все соответственно с ними, совершенно не считаясь с тем, как продукты моего творчества будут восприняты другими. Но все же, помимо моей воли, получалась ориентация на определенный круг людей. Не в том смысле, что я специально писал с расчетом на них, а в том смысле, что я прожил долгую жизнь, встречал много различных людей, знал их вкусы и менталитет, сам так или иначе был подобен им. Я писал для таких, как я сам. Я знал, что они существуют. Это — главным образом люди достаточно образованные, знакомые с различными областями современной культуры, лишённые многих иллюзий и предрассудков, понимающие шутку, склонные к рефлексии, так или иначе переживающие происходящее, не очень-то преуспевающие в смысле карьеры или вообще не желающие делать ее. Именно то, что я писал для себя, то есть для таких, как я, определило и литературную форму моих книг.

И. К.: Вот поговорим об этой литературной форме. Как бы Вы сами ее определили?

А. З.: Я уже не раз говорил и писал, что я не искал литературную форму, что она пришла как бы сама собой. Но это не значит, что я не отдавал себе отчета в том, что делаю. Я сознательно шел на это. Я говорил себе: пиши так, чтобы книга устроила тебя самого в роли читателя. И до этого я имел целый ряд идей относительно литературы, которая могла бы быть наиболее адекватной той части читателей, к которой я сам принадлежал. Вот одна из таких идей. Проведите прямую линию на бумаге и затем посмотрите на нее через микроскоп. Она будет выглядеть для Вас, как кардиограмма человека со всеми дефектами сердца. Такой Вам представится и наша прямолинейная, последовательная причинно-следственная жизнь, если Вы на нее посмотрите внимательнее, через некий интеллектуальный микроскоп. Вы увидите тогда не ту плавную и цельную картину ее, какую давала и продолжает давать привычная литература, а увидите клочки, зигзаги, взлеты, падения, смех, слезы, ложь, искренность в ужасающей дисгармонии. И чтобы придать этой картине целостность и единство, нужны уже не событийные связующие линии, а идейные. И что здесь поразительно: при описании такой реальности Вы должны приложить и свой интеллектуальный микроскоп. Он теперь становится элементом описания. Поэтому так называемые теоретические куски в моих книгах не случайны и не излишни. Без понимания их нельзя разглядеть и понять написанную мною картину в ее целостности.

И. К.: А над чем Вы работаете сейчас и что Вы намерены делать дальше?

А. З.: Я прожил жизнь в стране оголтелого планирования, знаю, что это такое, и потому ненавижу всяческие планы. Я работаю без планов, поскольку не вижу в них абсолютно никакой надобности. Я доверяю своей интуиции и склонностям и делаю лишь то, что делается само собой, без особого принуждения. Сейчас я не спеша готовлю словарь основных феноменов советской жизни. Это вместо комментариев к своим книгам для западных читателей. Привожу в порядок свои логические работы. Хочу порисовать, мечтаю проиллюстрировать свои книги сам. Короче говоря, делать есть что, и идей хватает.

И. К.: Не могли бы Вы сказать несколько слов о Вашей последней книге — «В преддверии рая»?

А. З.: Эта книга была написана тоже в Москве, еще в 77-м году. Сюжет ее такой. Выпускник университета отделения патосоциологии попадает на работу в секретное учреждение, в хранилище рукописей лиц, которые считаются психически больными. У него задание привести в систему пачку таких рукописей. Разбирая и обрабатывая эти рукописи, он знакомится с судьбами людей коммунистического общества — с судьбами школьников, студентов, ученых, партийных чиновников, генералов, академиков и так далее, и обнаруживает при этом, что все они так или иначе несчастны, что это общество в принципе есть общество несчастных людей и общество для несчастных людей.

И. К.: Что Вами движет, что дает Вам силы так работать?

А. З.: Трудно ответить на такой вопрос. Во всяком случае, не стремление к материальному благополучию, не тщеславие и даже не стремление к независимости. Все эти факторы, о которых я упомянул, недостаточно сильны, чтобы стимулировать на долгую и трудную работу. Возможно, я получил в наследство от своих родителей чувство долга по отношению ко всякому делу, любовь к работе, работоспособность, а жизнь дала мне тренировку на выживаемость в самых тяжелых условиях и на определенное отношение ко всем явлениям жизни. У меня выработалась своя система, как жить в условиях такого общества, каким является советское общество, и быть при этом счастливым. Я этой своей системе следовал с юности всю жизнь, и неукоснительно. Кроме того, у меня было постоянно такое ощущение, будто кто-то или что-то охраняло меня в критические минуты, держало в определенных границах и направляло. Я прожил сложную жизнь, и на святость не претендую. Например, я много и здорово пил, но вдруг неожиданно для самого себя бросил и не пью уже 16 лет ни капли алкоголя. Я восемь лет писал книгу о «Капитале» Маркса, но вдруг остановился и сжег ее. И таких случаев были десятки. Как будто это «что-то» или этот «кто-то» говорили мне, что мое дело еще впереди, что я должен подняться и идти дальше, отбросив всяческие пустяки. Мне и сейчас еще кажется, что я не прошел свой путь до конца.

Мюнхен, август 1979 г.

Achevé d'imprimer
sur les presses
de l'Imprimerie Raymond Fawer S.A.
le 15 décembre 1979
à Renens/Lausanne (Suisse)

L'illustration de la couverture est d'Alexandre Zinoviev